

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Рустам МАКСИМОВ

РЕЙДЕРЫ

Ради жизни — союз!

Современный фантастический боевик (АСТ)

Рустам Максимов

Рейдеры

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Максимов Р. И.

Рейдеры / Р. И. Максимов — «АСТ»,
2017 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-102727-8

Продолжение эпопеи землян, из-за ошибки богов угодивших не в тот чужой мир. Чтобы выжить, люди разных рас и национальностей вынуждены объединяться, создав конфедеративное образование. Вновь созданная конфедерация вступает в противостояние с боевиками, террористами, и просто бандитами. Затем происходит конфликт с незванными разносчиками демократии, в который неожиданно вмешивается третья сила – аборигены.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-102727-8

© Максимов Р. И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рустам Максимов

Ментовский вояж: Рейдеры

© Рустам Максимов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть 1

...А товарищ-то, похоже, не из простых будет, – подумал я, дослушав до конца рассказ Сухонина о его приключениях. – Выдержан, хладнокровен, не растерялся, полная машина добра, и стреляет неплохо... Динокуры вовсе не “сидячие утки”, не неподвижные мишени на стрельбище...

– Скажи-ка, Эрик Робертович, а ты в армии, случаем, не разведчиком ли служил? – как бы невзначай поинтересовался я. – Подготовка у тебя самая та.

– Нет, майор, я из флотских, а не из сухопутчиков. Капитан третьего ранга в отставке, гидрограф, в своё время вдоль и поперёк обшарил всё побережье Кольского полуострова, – с какой-то затаённой грустью улыбнулся гость. – А выживание – это просто стало очень хорошим хобби на старости лет.

– Господин Сухонин, я хочу предложить вам работу по вашей воинской профессии, – неожиданно вскинул голову ван Клейст. Эмчезник тотчас принялся переводить. – Нам нужно найти место долговременной якорной стоянки для супертанкера, а у меня в отряде нет спецов по течениям, речному и морскому дну.

– Жерар, а при чём здесь речное дно? – я переглянулся с Русланом с Марком – те лишь пожали плечами: мол, они не в курсе замыслов бельгийца.

– Есть идея загнать этого монстра на десяток километров вверх по Амазонке, – продолжил командир «солдат удачи». – Сохранность «Звезды» и её груза – гарантия выживания всех нас, и я хочу попробовать спрятать корабль подальше от чужих глаз.

– Господин, эээ... ван Клейст, мои знания и опыт в вашем распоряжении, – Сухонин почесал пятидневную щетину с проседью, глянул на меня, на Руслана, на Георгия. – Товарищи, надеюсь, я не создам этим своим решением проблем никому из вас?

– Нет, Эрик Робертович, как бы это фантастически ни звучало, здесь собрались настоящие однопольчане, спаянные одной кровью, – не кривя душой, ответил я. Зять Никитина кивнул, подтверждая мои слова. – Если бы не бойцы Жерара, мы бы с тобой сейчас здесь не разговаривали.

– Русские – хорошие солдаты. Нам повезло, что вы оказались нашими соседями, – дождавшись перевода, отозвался бельгиец. – Не хочу держать это в тайне – я сделал предложение капитанам Руденко, Мышкину и ещё двум вашим поработать в команде сержанта Маллигана. Стив создаёт взвод морской пехоты, чтобы охранять наши корабли, и нам остро нужны те, кто хоть что-то смыслит в морском деле.

– Так... Если это надо для общего дела, то у меня нет возражений, – я предполагал подобное развитие событий, поэтому сказанное ван Клейстом меня не удивило. – Но, по идее, капитаны не должны служить под командой сержанта, пусть даже самого лучшего.

– Сделаем так – Маллиган и мои бойцы возьмут под охрану «Звезду» и «Маджестик», а командиром траулера-сторожевика станет господин капитан третьего ранга, – подумав пару секунд, Жерар мигом распределил по кораблям весь личный состав. – Я выделю для вооружения сторожевика один крупнокалиберный пулемёт и оставлю на нём прежних механиков-японцев. Остальные японцы переходят на «индийца», полноправными моряками.

Дальше собравшиеся командиры конфедерации перешли к обсуждению вопросов, связанных с заводом «Сириус Стара» в русло реки. Быстро выяснилось, что наёмники имеют весьма смутное представление как о гидрографии Амазонки, так и об её берегах. Да, три земных анклава соседствовали с прибрежными зарослями, но до недавнего времени у землян не было подходящих плавсредств, чтобы исследовать и пересечь реку. Всё, что имелось в распоряжении «диких гусей», – это фотографии, сделанные беспилотником и с борта транспортного. И именно на этих последних снимках можно было разглядеть такое...

На следующее утро «солдаты удачи» сгрузили с «Маджестика» на берег обе зенитные скорострелки, после чего танкер снялся с якоря и потащился шестиузловым ходом вдоль берега на восток. Траулер, который никто так и не удосужился отмыть от крови, шёл на буксире «индийца». На борту кораблика, перекавалифицированного в сторожевик, суежилась новая команда – целый интернационал из пятерых русских, двух японцев и одного поляка. Последний сам попросился на траулер, сказав, что ему проще найти общий язык с русскими, чем с индусами. Ни ван Клейст, ни Маллиган не возражали – сержанту и его людям хватало забот с наведением порядка на супертанкере, а бельгиец дал Сухонину полный карт-бланш в наборе экипажа.

Мы выехали из Данилово часов в восемь утра, после того, как подзаправили амфибию из топливных запасов наёмников. «Амтрэк» идеально подходил для путешествия, спланированного вчера Жераром и мной, поэтому «мерс» с «уазиком» остались на базе. Выехавший вместе с нашей колонной «туарег» почти сразу же газанул и умчался вперёд, и до польского кластера мы ехали в паре с «ивеко». У поворота на Бялобжеги мы тепло распрощались с соседями, после чего покатали дальше, постепенно догоняя идущий вдоль берега «Маджестик».

Проезжая мимо немецкого анклава, мы поравнялись с кораблями, после чего амфибия выкатилась на песчаную косу, поросшую травой и чахлым кустарником. Намытая Амазонкой коса почти на километр выдавалась в море и идеально подходила в качестве отправной точки для начала путешествия по воде. «Амтрэк» пересёк косу, сминая траву и кустарник, распугивая мелких ящериц и давя гусеницами каких-то не особо пугливых крабообразных, не спешивших удирать прочь при виде многотонного стального монстра.

Потратив какое-то время на проверку и подготовку амфибии, мы аккуратно вкатились в воду, Нидеррайтер-младший врубил водомётные движители, и машина плавно пошла вперёд. Пересекая стремнину, «амтрэк» столкнулся с достаточно сильной качкой, вода стала забрызгивать триплексы и башенку амфибии. Течение сносило машину в море, Гельмут был вынужден постоянно корректировать курс, в результате чего около четырёх километров по прямой превратились, наверное, в целый десяток.

На форсирование Амазонки мы затратили часа полтора, не менее, и «амтрэк» выбрался на сушу далеко в стороне от намеченной нами точки. Дальше амфибии предстояло преодолеть склон ближайшего холма, чтобы доставить нас на площадку, с которой планировалось начать пешее путешествие по прибрежному хребту.

Нет смысла описывать, как мы намучились, карабкаясь по склонам, скача по камням, сожалея о том, что не сподобились заняться на Земле альпинизмом и горной подготовкой. Когда мы наконец-то добрались до крутого берегового обрыва, индийский танкер уже вошёл в реку, а более быстроходный сторожевик далеко обогнал и флагмана и нашу пешую экспедицию.

– Смотрите!!! – срываю голос, неожиданно закричал Костя Григорьев. – Ниже по реке идёт корабль! Чужой корабль!

Не успев толком осмотреться вокруг, мы мгновенно прикинули к оптике, кто к биноклям, кто к прицелам, чтобы рассмотреть чужака. Действительно, километрах в трёх от нас, из-за лежавшего у противоположного берега заросшего джунглями острова показался незнакомый корабль.

Незнакомца сразу же заметили на «Маджестике», а минутой позднее и на траулере, после чего сторожевик резко изменил курс, идя на сближение. В бинокль было видно, как на палубе траулера суетится его экипаж, видимо, готовя к бою установленный на баке пулемёт. Совершенно неожиданно над водной гладью разнёсся глухой звук миномётного залпа – «индиец», оказавшийся к чужаку ближе всех, показал всю серьёзность намерений бельгийца и его бойцов.

...Сюрреализм какой-то, ну вообще полный абзац. Сказали бы мне неделю назад, что я со своими операми буду торчать на обрыве над рекой, чёрте где, в ином мире – рассмеялся бы тому чудику прямо в глаза, – окуляры бинокля уже до боли впились в кожу лица, но я не замечал этого. А мы не просто торчим тут, словно... архары, а наблюдаем натуральный... речной бой! (Цензура), ну, на кой ляд наёмники тратят мины, пуля километра на два, если могли бы подойти поближе?

Обнаружив слева по курсу идущий навстречу чужой корабль, «солдаты удачи» тотчас принялись обстреливать незнакомца из миномёта. Натуральный сюрреализм: миномёт стреляет с палубы входящего в большую реку танкера и стреляет не по берегу, что было бы вполне логично, а по движущемуся навстречу судну. А на борту незнакомца, похоже, вспыхнула настоящая паника, заметалась целая толпёнь народу, хорошо ещё, что никто не свалился за борт.

Первая мина легла метрах в пятистах по правому борту чужого корабля, вторая бухнула поближе, в четырёх сотнях метрах, третья рванула ещё на сто метров ближе. Из труб незнакомца выплеснулись едва заметные на таком расстоянии струйки дыма, и судно круто повернуло налево, пытаясь обойти южную оконечность острова. Взятый неизвестным судном курс пересекался с курсом нашего сторожевика, спешившего на перехват.

Видимо, командир чужого корабля решил, что маленький траулер представляет для него куда меньшую опасность, чем здоровенный индийский танкер. Ошибочное решение – команда «японца» была вооружёна двумя пулемётами, в том числе полудюймовым «браунингом», способными превратить палубу незнакомца в филиал скотобойни. Кроме того, наш сторожевик запросто мог выжать из своих великолепных дизелей целых четырнадцать узлов, а «Маджестик» с трудом ползал парадным ходом в восемь узлов.

– Они сдаются, – спустя пару-тройку минут произнёс капитан Барулин. – Вон, подняли какую-то белую тряпку, простыню, что ли.

– А у них нет выбора – их зажали в «клещи», – заметил я. – Да вроде сбавляют ход...

– (Цензура!), ахтунг!!! Фойер!!! – длинная пулемётная очередь перекрыла отчаянный вопль Вольфганга, за моей спиной застрочил чей-то автомат. – Справа!!! Ахтунг, справа!!!

– (Цензура!), длинными!!! Патронов не жалеть!!! – обернувшись вправо, я почувствовал, как у меня в прямом смысле этого слова зашевелились волосы на затылке. – Костя, держи фланг!!!

Сказать, что мы лопухнулись, как малолетки – значит, не сказать ничего. Мы лопухнулись, как полные идиоты, выперлись на обрыв посмотреть на шоу на реке, словно (цензура) на променад, забыв, ГДЕ мы вообще находимся. Точнее, в каком мире мы с некоторых пор живём, живём и выживаем. В мире, где человеческая жизнь – как и любая другая жизнь – не стоит и ломаного гроша.

Потеряв кучу времени на скалолазание, мы торопились, чтобы ещё больше не отстать от наших кораблей, входящих в реку. Продравшись через густые заросли какого-то низенького кустарника, вышли к обрыву, где и стали свидетелями «тёплой» встречи на реке наших кораблей и неизвестного судна. Расслабились, расслабились, словно дети, наблюдая за завязкой и быстрой развязкой «морского боя» на речном просторе. И, если бы не самый осторожный и опытный боец моего отряда, то наша пятёрка стала бы жертвами пары самых натуральных «собак Баскервиля».

Эти монстры – иначе их и не назовёшь – сидели в зарослях кустарника вверх по реке, метрах в семидесяти от нашей группы. Сидели, поджидая нас, ждали, когда мы подойдём вплотную, чтобы полакомиться экзотическим блюдом из землян. Поняв, что потенциальные жертвы не собираются шагать дальше, подходить на расстояние одного прыжка, «собаки» вымахнули из засады и понеслись на нас. Мчались со всех ног, молчали, скаля свои страшные белые пасти, с желтеющими в них жуткими клыками. Если бы монстры беспрепят-

ственно преодолели жалкие шестьдесят метров, разделявшие нас, то ни у меня, ни у моих парней не оказалось бы ни одного шанса на спасение.

Как позднее рассказывал нам Нидеррайтер-старший, его словно что-то подтолкнуло повернуться направо. Повернувшись, немец увидел выпрыгнувших из кустарника «собак», мгновенно, не мешкая, вскинул пулемёт, нажимая на спуск и ругаясь во всё горло. Мы отреагировали одну-две секунды спустя, но именно за эти самые две секунды Вольфганг и спас наши жизни. Скорострельность ПКМа, может, и не та, что у МГ-34, и не сравнится с МГ-42, но в данном случае огневой производительности славного детища Михаила Тимофеевича сполна хватило на местных хищников. И, как позднее выяснилось, не только на них.

Нашпигованные десятками пуль, «собаки» не дотянули до нас метров пятнадцать, рухнули, в конвульсиях забились на земле. Одно из чудовищ издало глухой предсмертный хрип, дёргаясь в судорогах, а вой другого монстра прервался, едва начавшись, – несколько пуль разорвали ему глотку. Спустя десяток секунд на пустоши над обрывом воцарилась относительная тишина, тотчас прерванная лязгом металла – немец в темпе менял расстрелянную пулемётную ленту.

– «Берёза», «берёза», это у вас стрельба? – голосом Руденко захрипела рация. – «Берёза», вы под обстрелом? «Берёза», ответь «Барракуде»...

– «Берёза» на связи – у нас всё в порядке. Поприветствовали местную фауну, – от ударной дозы адреналина мои руки ходили ходуном, и я едва не выронил рацию. – Что у вас? Войны не будет?

– Да, «гость» капитулирует, «Дельфин» здорово его напугал, – отозвался Руслан. – «Берёза», а «гость», кажись, наш, русский... По «матюгальнику» чешут без акцента, да и на вид – наши...

– «Барракуда», я всё понимаю, но не рискуйте зазря – стреляйте сразу, если что пойдёт не так, – напутствовал я капитана. – Мы тут сами разберёмся... Отбой...

– Володя, тебя одного ждём, – Александр протянул мне собственный, набитый патронами магазин. – Может, пальнуть ещё?

– Не будем тратить Бэ-Ка, – ответил я, заменяя опустевший магазин автомата. Пустой сунул в разгрузку, вынув оттуда ещё один, полный, передал его заботливому товарищу. – Видно же, что они дохлые...

– Как скажешь, – пожал плечами Барулин, делая первый шаг в сторону трупов. – Вольфганг, держи фланг!

Больше всего я опасался, что вокруг нас собралась целая стая хищников, монстры вот-вот обойдут нас с фланга, а затем огромной толпой прижмут к обрыву. Высоту этого самого обрыва я навскидку оценил метров в тридцать-сорок, и, наверное, при необходимости мы смогли бы спуститься по нему вниз, к урезу воды. С другой стороны, при таком спуске можно было легко переломать руки-ноги, прежде чем мы бы оказались внизу.

– Принято, держу, – отозвался Нидеррайтер-старший, после чего произнёс пару отрывистых фраз по-немецки, адресовав их своему сыну. Гельмут послушно кивнул и слегка притормозил, чтобы не заблокировать отцу линию огня прямо вперёд.

Наверное, со стороны это смотрелось нелепо и смешно: пятеро вооружённых до зубов мужиков медленно, приставным шагом, подкрадываются к паре уже испустивших свой последний вздох монстров. Вот только видели бы вы этих зверушек: росточек в холке в полтора метра, длинные лапы с десятисантиметровыми когтями, крепкие челюсти, набитые клыками и зубами, словно акулы пасти. Но больше всего пугали не эти, вполне типичные для хищников атрибуты, а светлые, почти белые морды, до жути напоминавшие раскрас киношной собаки Баскервиль. Складывалось впечатление, что провидение смеялось над нами, нарочно подсунав встречу с этим созданием, столь сильно похожим на вымышленного земного монстра.

– Говорил же: онидохлые, – поморщившись, Александр с силой пнул ногой труп одной из «собак». – (Цензура), столько патронов сожгли на этих сук.

– Жерар возместит наши расходы из своих запасов, – заметил я, присматриваясь к зарослям, откуда выскочили страшные зверюги. – Парни, как насчёт проверить место их засады?

– Запасы у бельгийца не резиновые, – произнёс Барулин, заглядывая мне в лицо. – Володя, ты, что, с дуба рухнул??? Нахрена нам лезть в те кусты???

– Не знаю, интуиция, – пожал плечами я. – Честно, Сань, чуйка какая-то.

– Ладно, доверимся твоей чуйке. Один магазин, на счёт «три», – прищурился капитан, доставая из своей кобуры табельный ПМ. – Парни, держите «зелёнку» под прицелом, а если оттуда кто-нибудь выскочит – валите его на хрен, (цензура)!

Расстреляв по зарослям по одному пистолетному магазину, подождали ещё с минуту, в полной готовности встретить ливнем свинца хоть самого дьявола. Увы, никто так и не выскочил на нас, не выбежал, и даже не выполз. Тем не менее меня не покидало ощущение, что в кустарнике кто-то есть. Кто-то или что-то...

– Вольфганг, держи тыл, – скомандовал я, вскидывая свой верный «калашников». – Вперёд!

– Дорогая передача, я (цензура), не иначе, – минут пять спустя прошептал Александр, глядя на меня совершенно дикими глазами. – Это то, о чём я думаю, да?

– Ага, Саня, они самые – аборигены этого дивного мира, – произнёс я, вытаскивая из кармана разгрузки фляжку. Нервы, чёрт возьми, напряжены до предела. – Будешь? Передай дальше.

От предложенного коньяка никто не отказался. Более того, парни выдули всю фляжку, словно воду, возвратив мне опустевшую ёмкость. Вытащив свою флягу, бывший офицер «штази» вопросительно взглянул на меня, но я отрицательно покачал головой: спиртное следовало экономить, тем более что наше путешествие ещё не закончено. Немец понял меня без слов, кивнув, спрятал коньяк обратно и вновь принял к пулемёту, беря под контроль свой сектор обстрела.

Войдя в «зелёнку», мы почти сразу же наткнулись на два человеческих тела, которые стопроцентно не принадлежали ни одной земной расе. Дело в том, что аборигены имели странный, отдающий серым цвет кожи, необычную форму черепа с широко посаженными глазами и заострённые назад приплюснутые к голове уши. Наверное, сочинители земных фэнтезийных романов сразу же определили бы, чьи трупы лежали перед ними – эльфов, гоблинов, орков или гномов. Нам же было глубоко до лампочки, кого именно из этой братии мы замочили, так как, судя по следам на земле, аборигены сидели в засаде ВМЕСТЕ с «собаками Баскервиля»!

Один из аборигенов носил головной убор из разноцветных перьев, на манер американских индейцев, причёска второго представляла собой сложное переплетение из массы тонких косичек. Оба туземца при жизни активно пользовались какими-то природными красителями, но носили на своих телах абсолютно разный «камуфляж». Тело «индейца» было разрисовано более яркими красками, зелёным, жёлтым, чёрным, и красным цветами.

Второй абориген был размалёван чёрно-зелёным с небольшим дополнением жёлтого цвета. Такая раскраска тела позволяла туземцу сливаться с окружающей местностью не хуже хитро оттюнингованного маскхалата разведчика. Кроме того, подстреленные нами типы явно использовали какой-то нестандартный парфюм, полагаю, чтобы отбить человеческие запахи, на которые облизывалась здешняя фауна.

Возле трупов аборигенов валялось их оружие: два полуметровых копия с наконечниками в виде широкого листа и массивный меч длиной сантиметров восемьдесят. Наконечники копий и меч были изготовлены из какого-то... тёмного металла, казалось, что они

выкованы много-много лет назад. Кроме того, в ножнах на поясах туземцы носили ножи, сделанные из вулканического стекла, которые резко контрастировали с остальным металлическим оружием.

Но больше всего нас поразили кожаные шорты аборигенов, в которых обнаружили... карманы. А вот содержимое этих карманов разочаровало: кремни, какие-то корешки, листья растений, разноцветные комки не понять чего, как позднее оказалось, являвшиеся краской для тела. Никаких паспортов, водительских прав или каких-нибудь других документов, подтверждающих личности погибших. Шучу. На шее «индейца» болталась целая куча амулетов природного происхождения, среди которых выделялся кожаный мешочек с крупными рубинами внутри. На шее второго нашлось лишь три костяных амулета, как полагаю, типичных для представителей слабо развитой цивилизации.

– Здесь было побольше двух человек, – глянув на отпечатки кожаных мокасин, определил Барулин. – Пять-шесть-семь, а то и целый десяток.

– А отсюда отлично видно реку, – отойдя чуть в сторону, заметил Константин. – Кстати, наш сторожевик подходит к борту «Эс-Тэ-Ка».

– К борту чего? – не понял я. – Что ещё за «Эс-Тэ-Ка»?

– Это такой тип судов класса «река-море», которые строились в бывшей ГДР, – пояснил Григорьев. Лейтенант когда-то увлекался моделизмом и немного разбирался в данной теме. – Достаточно удачный проект, плавают и у нас, на Северо-Западе, и...

– Спасибо, Костя, – кивнув внезапно замолчавшему лейтенанту, я обернулся к остальным бойцам. – Так, парни, фоткаем этих двух, забираем копья и меч и по-быстрому валим отсюда.

– Растяжку поставим? – деловито поинтересовался Александр, хлопнув по карману с гранатой. – «Эфка», из запасов того еврея.

– Нет, мы и так потратили слишком много бэ-ка, – я отрицательно покачал головой. – Ещё... Надо подобрать все стреляные гильзы. На всякий случай...

Парни слегка удивились, но возражать не стали, вероятно, думая, что командир решил педантично подойти к выполнению недавно принятого решения об экономии высокотехнологичных ресурсов. Именно по этой причине даниловские мальчишки обшаривали по всей деревне места недавних боёв, собирая стреляные гильзы и выискивая прочие военные девайсы. После недавних событий пацаны резко повзрослели и не спешили поднимать с земли что-нибудь подозрительное или незнакомое.

В результате трое ополченцев из числа ходячих раненых мотались по селу, подбирая по наводке мальчишек то раскуроченный магазин, то оброненную гранату, то ещё что-нибудь взрывоопасное. Кроме того, дети обнаружили парочку неразорвавшихся мин, заработав искреннюю благодарность от односельчан и Юрия Александровича. Видя результативность пацанов, штаб ополчения подумывал, каким образом организовать прочёсывание ближайших окрестностей деревни на предмет сбора того-сего, что может пригодиться людям в ближайшем будущем.

На самом деле меня обеспокоила вся та местность, которая окружала нас на другом берегу реки. Как уже говорилось, левый берег Амазонки возвышался над правым и представлял собой занятный ландшафт: поросшие зелёнкой невысокие холмы с голыми вершинами, возвышавшиеся один над другим, множество скальных выступов и просто разбросанных повсюду валунов. Эти холмы чем-то напомнили Молдавию с добавками таджикского колорита, и меня сразу же передёрнуло от воспоминаний из моей третьей командировки, той, о которой не знал никто из моих парней.

Оказавшись на левобережье, на краю совершенно иного мира, я сразу же осознал, что наш маленький отряд рискует бесследно раствориться в этой первобытной красоте. Если на «нашем», на правом берегу реки мы могли рассчитывать на своё техническое превосход-

ство, то здесь мы оказывались один на один... да, вот хотя бы с местными аборигенами. Это сегодня нас, похоже, спасло невероятное стечение обстоятельств, на которое не стоило рассчитывать в перспективе.

Если бы мы схватились с туземцами и с их зверушками лицом к лицу, я бы смело поставил на местных товарищей, несмотря на то что у тех не имелось никакого огнестрельного оружия. На мой взгляд, при подобном раскладе одна-единственная «собака Баскервиля» с её коготками и зубками легко могла бы затмить даже знаменитый немецкий МГ.

Аборигены смогли удивить сочетанием, казалось бы, невозможных вещей, которых, по идее, не должно было быть у обыкновенных дикарей. Логика подсказывала, что не стоит оставлять туземцам ничего такого, что даст им повод для размышлений о тех, кто забрал жизни их людей и животных. Кроме того, я чувствовал, что на левобережье ещё найдётся множество самых разнообразных сюрпризов, а пока нам следует поскорее убраться «домой», на противоположный берег.

Подобрав стреляные гильзы, мы связались с Руденко и, сославшись на трудности пешего перехода по сильно пересечённой местности, проинформировали, что покидаем левобережье. В бинокль было видно, что сторожевик и СТК лежали в дрейфе в сотне метров друг от друга, к ним медленно приближался «индеец», и я решил, что сейчас не стоит грузить наших товарищей проблемой наличия аборигенов.

Руслан проглотил мою маленькую ложь, ничего не заподозрив, так как был по уши занят ведением переговоров с командным составом пришельца из верховьев Амазонки. Капитан в двух словах сообщил, что СТК набит народом, словно бочка селёдкой, и что все, кто находится на этом корабле – наши, русские! Точнее, россияне, сильно измотанные и напуганные, но не сломленные и живые. Более двух сотен человек, из которых две трети – женщины и дети, плюс имеется с десятков раненых, которым требуется оказать квалифицированную медицинскую помощь. В общем, работы дофига, ибо командир – именно командир – вооружённой команды весьма недоверчив и не верит нашим парням на слово.

– Хм, любой бы не доверял на слово тем, кто начинает переговоры миномётными залпами, – заметил по этому поводу Александр. – С другой стороны, и Жерара можно понять – кому хочется рисковать своими людьми ради незнакомцев, ни разу не родственников и не друзей.

Обратный путь до «амтрэка» занял у нас достаточно много времени, подтверждая непреложную истину, что карабкаться вверх намного проще, чем спускаться вниз по тому же самому маршруту. Мы в очередной раз убедились, что не в ладах с альпинизмом, да ещё и не умеем запастись элементарным горным снаряжением – хоть теми же верёвками. Лишняя бухта хорошего каната здорово бы нас выручила, и мы бы обошлись без порванного обмундирования и кучи синяков до кучи. Наверное.

Внизу нас ждали наш боевой товарищ и наша прекрасная амфибия. Будучи не в состоянии из-за своего раненого плеча лазить по скалам и скакать по камням, Владислав заперся внутри «амтрэка», изображая из себя полноценный экипаж бронетранспортёра. Соответственно Зеленцов имел возможность слушать не только наши переговоры с группой Руденко, но и разговоры сторожевика и «канлодки». Ожидая возвращения группы, Влад весь извёлся и изнервничался, а мы взяли и выложили капитану целое повествование про «собак Баскервиля» и здешних туземцев. Беспощадно, со всеми подробностями, с демонстрацией фоток и трофеев, которые мы не забыли прихватить с собой.

Учтя свой предыдущий опыт и неожиданно сильное течение Амазонки, мы вновь пересекли реку, потратив на это путешествие меньше времени, чем на плавание к чужому берегу. Как-то само собой получилось, что правый берег Амазонки с некоторых пор стал нашим, несмотря на всю враждебность чужого мира, окружавшего анклав земель. В свою очередь,

левый, противоположный берег реки неожиданно превратился в «терра инкогнита» со всеми вытекающими из этого понятия тайнами, загадками и заморочками.

Словно бегемот, «амтрэк» выбрался на сушу где-то у основания косы и, ревя двигателем, распугал каких-то небольших местных крокодилов, нежившихся на солнышке в зарослях травы. Затем амфибия прокатилась ещё с сотню метров, взобралась на гребень трёхметровой дюны, мы выбрались из чрева боевой машины, осмотрелись по сторонам и лишь после этого ступили на твёрдую землю. Шутки шутками, но как-то не хотелось проверять на себе остроту зубов и крепость челюстей здешних рептилий, которых мы только что заставили принимать внеплановые водные процедуры.

Едва мы сошли с брони, за нашими спинами послышался рокот танкового дизеля, и метрах в двухстах от нас из прибрежных зарослей выполз Т-55. Поначалу показалось, что нам вновь повстречалась уже знакомая боевая машина, столь вовремя подоспевшая из польского кластера во время сражения с исламистами. Затем я обратил внимание, что на этом танке отсутствуют блоки динамической защиты, на башне установлен лишь один пулемёт, а не парочка, как у давешнего «панцера». Стало ясно, что нам выпал случай познакомиться с ещё одним танковым экипажем из отряда «солдат удачи», что мы и сделали минут пять спустя, когда Т-55 забрался на дюну.

– Сержант Бертъе, можно просто Мишель, – лихо козырнул спрыгнувший на землю загорелый крепыш лет тридцати, переходя на английский. – А вы, видимо, те самые знаменитые русские полицейские, в одиночку сдержавшие сотню арабов, да?

– Майор Иванников, можно просто Владимир, – моих познаний языка де Голля и Вольтера едва хватило, чтобы перевести первую фразу танкиста, поэтому я сразу перешёл на язык Черчилля. – Мы просто исполняли свой солдатский долг и не считали наших врагов.

– Саудиты рассказывали о вас совершенно другое, – улыбнулся наёмник. – По словам арабов, им противостояла тысяча солдат русской регулярной армии, и у правоверных не было никаких шансов на победу.

– Мишель, когда враг напал на Данилово, за оружие взялись все русские мужчины и множество русских женщин. Поэтому нельзя говорить, что мы сражались в одиночку – мы воевали плечом к плечу с десятками наших соотечественников, – вступил в разговор Зеленцов. – Кто, вообще, придумал сказку про тысячу солдат?

– Её придумали пленные саудовские моряки и теперь рассказывают её нам, и капитану Ланну – нашему командиру, – засмеялся Бертъе. – Пленные разбирают железнодорожные пути в немецком кластере, мы их охраняем и заодно слушаем новые арабские сказки.

– Я думал, что саудиты работают в польском кластере, – заметил я. Так уж получилось, что после экзекуции над офицерами-исламистами мы ни разу не поинтересовались судьбой прочих моряков с «Аль-Дамана».

– У поляков нет никакой работы для пленных, поэтому капитан ван Клейст приказал начинать демонтаж рельсов и шпал, – произнёс сержант, поднося к глазам бинокль. – Нельзя же кормить арабов задаром... Вау, на том корабле очень-очень много людей!

Пока мы пересекали реку, знакомились и болтали с Мишелем, Руденко пришёл к взаимоприемлемому соглашению с командиром СТК, и все три корабля потянулись к выходу из устья Амазонки. Впереди гордо пыхтел наш «Маджестик», за ним следовало набитое народом судно класса «река-море» и замыкал кильватерную колонну бывший японский траулер, переквалифицированный в сторожевик.

Корабли проходили мимо, примерно в полукилометре от нас, огибая песчаную косу, и мы имели возможность рассмотреть гостей поближе. Заодно оценили грамотный тактический ход бельгийца, по приказу которого на косу примчался Т-55, наглядно демонстрируя, что с хозяином здешнего побережья шутки плохи.

Потратив пару минут на созерцание кораблей, Бертье засыпал нас вопросами... о том, как в российской армии устанавливают блоки динамической защиты на танки и прочую бронетехнику. Сержанта интересовало абсолютно всё: от способов крепления блоков с ДЗ к броне до количества ВВ в одном блоке.

Как оказалось, экипаж Бертье во всём и вся постоянно негласно соревновался со своими коллегами, базирующимися в польском анклав, и француз надеялся разузнать кое-какие танковые тайны у самих русских, прямо из первых рук, так сказать. Видимо, Мишель искренне полагал, что в России каждый мужик имеет в личном пользовании свой собственный танк, по выходным катается на нём на пикники, а всё свободное время тратит исключительно на тюнинг бронированной машины и улучшение её боевых характеристик.

Наверное, мы упали в глазах сержанта ниже плинтуса, когда, с трудом преодолевая языковой барьер, объяснили, что ни фиги не смыслим в танковой тематике. Недоверчивый Бертье, похоже, решил, что русские просто не хотят задаром делиться военными тайнами, и, подмигнув мне, предложил организовать перепихон с дочерьми немецкого фермера.

Обе дочери последнего, как выяснилось, оказались типичными представительницами современного поколения и уже успели поскакать на «волшебной палочке» с каждым солдатом из отряда капитана Ланна. Девиц никто не неволил, не домогался и не принуждал к сексу – молодые дамочки банально ошалели от своего монопольного положения на женское тело и выжимали из ситуации по максимуму.

К счастью, в этот момент на связь вышел командир «диких гусей», и мне удалось отложить в долгий ящик разговор о достоинствах слабых на передок фройлян. Бельгиец сообщил, что нам предстоят сложные переговоры со вновь прибывшими русскими, и он высылает за мной лодку. Следом за Жераром на связь вышел Руслан и предложил план стандартной оперативной комбинации с привлечением наиболее опытного оперативного состава.

Выслушав капитана, я согласился с его доводами и, отозвав Вольфганга с Гельмутом в сторонку, попросил их в моё отсутствие не набить морды союзникам. Отец и сын заверили меня, что физиономии Бертье и прочих наёмников не пострадают, и герр майор может спокойно заниматься своей полицейской работой. Нидеррайтеры пояснили, что они всегда считали уроженок Тюрингии (цензура) и потаскухами, и их не волнуют подробности сексуальных развлечений разнuzданных девок.

Спустя двадцать минут «зодиак» доставил меня на борт индийского танкера, где меня встретили Руденко, Мышкин и Сухонин. Пока мы топали по трапам и переходам по направлению к кают-компании, или как, там, на корабле называется помещение для отдыха команды, Руслан успел вкратце обрисовать ситуацию по переговорам с командиром СТК. По словам капитана, сей товарищ обладал въедливым характером, отличался крайней степенью недоверчивости к незнакомцам, и нам предстоял долгий и сложный разговор.

– Майор Иванников, Владимир Иванович, начальник криминальной полиции энского УВД из Санкт-Петербурга, – представился я, протянув руку одному из троих незнакомцев, которые обнаружили в кают-компании. Кроме этой троицы в помещении находились ван Клейст, Бойд, капитан Сингх, один из индийских моряков и двое наёмников, которых я мельком видел в посёлке. – Вижу, вы уже познакомились с Жераром и остальными.

– Познакомились. Стрелков Сергей Николаевич, «царица полей», майор в отставке, – рука командира пришельцев крепко сжала мою ладонь, Стрелков цепко оглядел мою фигуру с головы до ног. – Неплохой прикид, товарищ Иванников. Заранее готовились к «большому песцу», или как?

– Или как. Чисто случайно вышло, что мои люди оказались более подготовленными, чем остальные земляне, – честно признался я, глянув на выдающую виды «камуфляжку» гостя. – За исключением людей господина ван Клейста, конечно, и американских морпехов.

– Горбань, Игорь Степанович, капитан нашего «ковчега», – майор в отставке кивнул в сторону вспотевшего усатого мужика в каком-то околomorphic кителе. Я машинально пожал тому руку, повернулся к третьему. – Кадкин, Василий Иванович, наш радист, связист и толмач с четырёх языков потенциального противника.

– Просто Василий, без отчества, – Кадкин стиснул мою ладонь с такой силой, словно хотел её раздавить. – Вообще, я скромный программист и знаю всего три иностранных языка.

– Ну, Владимир Иванович, и как вам тут живётся под пятой господина ван Клейста и пиндосов? – с ехидцей в голосе поинтересовался Стрелков. – Да, вышеозначенный господин, часом, не родственник ли фельдмаршала Эвальда фон Клейста?

– Об этом, Сергей Николаевич, ты можешь узнать у него самолично, – я кивнул в сторону бельгийца, который внимательно слушал почти синхронный перевод в исполнении Марка. – А насчёт термина «под пятой» – это ты спроси у даниловских баб, которые потеряли родных и близких, у венгров поспрашивай.

– А ты, колючий, словно ёрш, Владимир Иванович. Извини, если задел чем, – неожиданно заразительно рассмеялся Стрелков. – Ты же опер, и должен понимать, что к чему... На мне висит ответственность за жизни двух с половиной сотен людей – всех, кого удалось вытащить живыми с окраины Белгорода и из Бобровска. Вот такие вот пироги, товарищ Иванников.

– Можно просто Владимир, – заметил я, поглядывая на приткнувшегося к переборке капитана СТК. Дядька неожиданно покраснел, как помидор, и стал хватать ртом воздух, словно выброшенная на берег рыбина. – А что с вашим капитаном, астма, что ли?

– (Цензура)! Степаныч! На воздух его, быстрее! Помогите вытащить его на палубу! – майор в отставке стремглав развернулся к Горбаню, выдирая пуговицы, расстегнул капитану воротник рубашки. – Сердце у него! Быстрее!

Присутствующих не пришлось долго упрашивать – пять-шесть человек мигом подхватили мужика, галопом пронесли по коридорам и спустя полминуты вынесли больного на верхнюю палубу. По ходу дела ван Клейст отдал Амару Сингху распоряжение притащить судовую аптечку, или как там у моряков называется запас лекарств, а затем послал Бойда переговорить по радио с медиками. Между тем дыхание Горбаня постепенно вошло в нормальный ритм, и Стрелков прекратил обогащать наш лексикон редкими оборотами речи великого и могучего русского языка.

– Так, господа и товарищи, придётся говорить здесь, на свежем воздухе, – зыркнул на нас Сергей Николаевич. Я кивнул, соглашаясь, так как самому как-то не улыбалось возвращаться обратно: кают-компания вся провоняла запахом карри, каких-то ароматизирующих благовоний и прочей индийской экзотикой. Похоже, эти ароматы витали везде, практически в каждом помещении «Маджестика». – У Степаныча в здешнем климате обострились хронические проблемы с сердцем, а с лекарствами у нас напряжёнка, даже для раненых не хватает.

– Капитан Сингх сейчас принесёт ящик с лекарствами, – погладив бритую голову, произнёс Жерар. – Ещё я приказал поторопить подполковника и его подчинённых – пусть поспешат с возвращением от венгров.

– Хирург доберётся до нас только завтра, – заметил топтавшийся рядом наёмник, Гивинс, кажется. – Отсюда по прямой до Тордаташа около семидесяти километров, не считая тяжёлой дороги по джунглям.

– Главное, чтобы Коллинз и его команда выбрались на пляж, а мы пойдём ему навстречу, – командир «солдат удачи» оглянулся на лежащие в дрейфе корабли. – Майор, уточните, сколько у вас раненых?

– У нас двадцать пять человек, нуждающихся в медицинской помощи, – слегка нахмурился Стрелков. – Из них десять человек «тяжёлых», у которых мало шансов выжить без немедленной операции.

– Чёртовы арабы, продырявили нашу «птичку», – выругался Гивинс, смачно сплюнув за борт. – Будь у нас «цессна», Дэвид и Джулия прилетели бы к нам уже через час.

– Она тебе не даст, не надейся, – буркнул бельгиец, оборачиваясь к появившемуся из-за угла надстройки Сингху. – Амар, ты очень медленно бегаешь. Либо быстрее бегай, либо заведи себе вестового.

– Володя, о чём это говорят твои дружки? – вполголоса поинтересовался Сергей Николаевич. – У них есть самолёт?

– У нас есть самолёт, – с нажимом на слово «нас» ответил я. – К сожалению, «цессну» недавно подбили, повредив один из её движков. Даже не знаю, смогут ли французы её починить.

– У вас тут, похоже, полный интернационал, – проследив, как Горбань запивает горсть каких-то разноцветных таблеток, задумчивым тоном произнёс Стрелков. – Я видел на палубе траулера даже какого-то узкоглазого азиата. Чёрные есть?

– Это Кимура, не вовремя вылез из машинного, – сразу же припомнил Руденко. – А чёрных у нас человек пять, точнее, не у нас, а в отряде Жерара.

– Господин Стрелкофф, в моём отряде не делят людей на расы и национальности, – выслушав перевод, ван Клейст кашлянул, привлекая к себе внимание. – У меня есть либо хорошие солдаты, либо очень хорошие.

– Хорошо сказал, сразу видно – наш человек, – обезоруживающе улыбнулся отставной майор-пехотинец. – Без обид, господа-товарищи, но «большой песец» превратил меня в жуткого расиста... Короче, ни с кем из вас я не ходил в разведку и не знаю, чего от вас ждать.

– Логично. Каким вы, господин Стрелкофф, видите своё будущее и будущее своих людей? – кивнув в знак согласия, поинтересовался бельгиец. – При условии, что мы не являемся врагами.

– Вижу, что у вас с питерским майором на этом берегу реки уже всё схвачено. И аргументы у вас железные, – Сергей Николаевич махнул рукой в сторону двух единиц бронетехники, что стояли на берегу. – А как насчёт левого, необитаемого берега? Мы поживём там месяц-другой, подумаем, присмотримся к вашей конфедерации, а потом и решим, как жить дальше.

– Не возражаю, – пожал плечами командир наёмников. – Я даже подкину вам оружия и патронов для защиты от диких зверей.

– Жерар, здесь есть одна маленькая проблемка: левый берег обитаем – там живут коренные жители здешнего мира, – наверное, разорвавшаяся на палубе бомба произвела бы куда меньший эффект, чем моё неожиданное заявление. – Вот, гляньте, чего мы наснимали часа два-три назад...

Айфон пошёл по рукам всех, кто находился на верхней палубе танкера, а я рассказывал, каким образом нам достались фотоснимки с изображением аборигенов и их «собачек». Не забыл упомянуть, что в «амтрэке» валяются трофеи, и любой желающий может примериться к туземному оружию, помахать копьями и мечом. Кроме того, неплохо было бы определить, из какого именно металла выковано оружие здешних жителей, и попробовать переплавить трофейные образцы.

– (Цензура), Володя, и когда же ты планировал просветить нас насчёт этого!? – как я и предполагал, едва переварив новость, Руденко тотчас обрушился на меня с упрёками. – Хорош гусь! А если бы вас там убили?

– Ну, не убили же. Руслан, не драматизируй, – отмахнулся я. – Сейчас надо решить, чем помочь Сергею Николаевичу и всему его «племени». Я бы предложил ему вариант с

Данилово и соседними русскими анклавами, но пусть он сам решает, куда идти дальше и что делать.

– Владимир, в следующую экспедицию на тот берег вы пойдёте в составе взвода моих лучших бойцов, – в отличие от Руденко, ван Клейст умел сдерживать собственные эмоции, лишь пробурчал что-то неразборчивое. – Вообще, мы предполагали подобное – на аэрофото-снимках левого берега было кое-что подозрительное, явно искусственного происхождения.

– Чёрт, такой спектакль не разыграть, даже если бы очень захотелось, – метнув на меня острый взгляд, неожиданно произнёс Стрелков. – И вы оба знаете больше, чем говорите.

– Ага. Знающий не говорит, а говорящий не знает, – хмыкнул я, забирая айфон. – Короче, Сергей Николаевич, предложение следующее – решайте сами, что вам делать, куда идти. Оружие и топливо вам, наверное, дадут – Жерар хорошо относится к русским.

– Топливом обеспечим, дадим полтора десятка автоматов с боекомплектом, как я и обещал, – подтвердил бельгиец. – Господин Стрелкофф, я бы хотел убраться отсюда до темноты, иначе нашим медикам придётся прокатиться по ночному пляжу, чтобы заняться вашими ранеными. Это побережье смертельно опасно в тёмное время суток, и я не хочу подвергать своих людей ненужному риску.

– Хорошо, мы не станем создавать лишних проблем и уходим вместе со всеми, – переглянувшись с Горбанем и Кадкиным, произнёс Сергей Николаевич. – Надеюсь, в вашей деревне хватит места, чтобы разместить гостей в количестве двухсот шестидесяти четырёх человек?

– Думаю, да, – обменявшись взглядом с Русланом, кивнул я. – После недавней войны с арабами у нас появилось много свободной жилплощади.

– А давай-ка, майор, прокатимся на твоём танке, ты мне расскажешь про вашу историю, а я поведаю про наши горести и злоключения? – хитро прищурился Стрелков. – Степаныч, Василий, надеюсь, вы обойдётесь без меня какое-то время, а?

– Попробуем, Сергей, без тебя, – прогудел в ответ усатый капитан судна «река-море». – Сколько тут шлёпать вдоль берега до вашего посёлка, господин ван Клейст?

– До русского посёлка около пятидесяти километров, до темноты успеем, – прикинув расстояние, ответил Жерар. – Лучше обращайтесь ко мне «команданте», а не «господин». Давайте договоримся о канале радиосвязи...

– Так, Руслан, вытаскивай с Эс-Тэ-Ка наших бравых парней, – приказал я, под шумок отозвав капитана за угол надстройки. – Быстро.

– Уже. Как только ты раскололся про ваши приключения на берегу, я их мигом выдернул с сухогруза, – доставая рацию, усмехнулся Руденко. – Сашка с Владом уже на «Дзуйкаку».

– Чего? Какой ещё нафиг «...каку»? – опешил я, круглыми глазами глядя на своего боевого товарища.

– У Кимуры, старшего моториста с траулера, прадед служил механиком на японском авианосце «Дзуйкаку». Погиб вместе с кораблём в сорок четвёртом, – пояснил Руслан. – Кимура предложил переименовать сторожевик в «Дзуйкаку» в честь своего героического предка, а мы с Сухониным не возражали.

– Хорошо, только американцам об этом ни гу-гу, чтобы не создавать проблем, – я подозрительно покосился на капитана, ранее не замеченного в любви к Японии и её обитателям. – Сухонин – как, толковый мужик?

– Эрик Робертович – голова, дядька старой закалки, – с уважением в голосе произнёс Руденко. – Сейчас таких уже и не делают.

– Сейчас вообще ничего не делают, – буркнул я, оглядываясь назад. – Марк, подойди сюда, разговор есть.

Раздав боевым товарищам новые вводные, я подождал, пока Стрелков переговорит со своими, а затем мы оба перешли на борт «зодиака». Здесь я познакомил Сергея Николаевича с Барулиным и Зеленцовым, после чего коротко рассказал обоим капитанам об итоге переговоров с гостями. Переглянувшись между собой, Владислав с Александром приняли мягко обрабатывать Стрелкова, исподволь подводя того к мысли, что баб и детишек надо бы поселить в каком-нибудь безопасном месте. Я сразу же сообразил, что, побывав на борту СТК, мои опера, как говорится, проникли в среду и теперь отлично осведомлены о настроениях народа на корабле с верховий Амазонки.

– Скажи-ка, майор, а где это вы захомячили «тэ-пятьдесят пятый»? Склад долговременного хранения нарыли, что ли? – ступив на твёрдую землю, с ехидцей в голосе поинтересовался Сергей Николаевич. – Только не заливай, что питерские опера разъезжают на танках, аки на «жигулях».

– Это не наш танк, наша машина – вон тот «амтрэк», – я махнул рукой в сторону амфибии. – Сейчас познакомлю тебя с остальным личным составом.

– Чудны твои дела, господи: менты ездят на амеровской «бронне», а родимый «тэ-пятьдесят пятый» в руках каких-то проходимцев, – поморщился Стрелков. – Владимир, представь мне своих питерских товарищей.

– Вольфганг Нидеррайтер, бывший офицер «штази», рядом – его сын, Гельмут Нидеррайтер, – ухмыльнулся я, глядя, как вытягивается лицо гостя. – лейтенант Константин Григорьев, питерский мент... Сержант Мишель Бертье, командир танка, из отряда тех самых проходимцев, по совместительству торгует шлюхами из Тюрингии...

– Неплохо устроился, значит, – в голосе Сергея Николаевича явственно послышалось некоторое недоверие. – У вас здесь что, и бордели имеются?

– Не Амстердам, конечно, но Мишель всегда готов организовать пару доступных девок, – прищурился я, переходя на свой ужасный английский. – Сержант предлагает баб в обмен на информацию о способах установки динамической брони у нас, в России.

– Тогда он обратился по адресу. Бертье, советы ветерана трёх войн обойдутся вам в цинк патронов «пять сорок пять» к автомату Калашникова, – неожиданно заявил Стрелков на отличном английском языке. – Пользованные шлюхи меня не интересуют. Вы готовы платить патронами?

– Сэр, в данный момент у нас нет боеприпасов указанного калибра и типа, – почував в собеседнике старшего по званию и опыту военного, Мишель вдруг вытянулся по стойке «смирно». – Но я могу запросить срочную доставку на завтра с базового склада. Такой вариант вас устроит?

– Чёрта с два, сержант. Я не собираюсь делиться знаниями в долг, – моментально возразил Сергей Николаевич. – Предлагаю следующее: вы привезёте патроны в... Данилово, где я знакомлю вас с русским офицером-танкистом... Кхм, будет лучше, если вы предложите на обмен два цинка – информация из первых рук стоит того.

– Сэр, да вы на ходу подмётки рвёте, – передразнивая Бертье, заметил я. – Бэ-ка и у нас полно, мы же не жмоты какие-нибудь, а вполне нормальные люди, своих обеспечим.

– Не обижайся, Володя, у вас я ещё найду, что попросить, – заглянул мне в глаза Стрелков. – Эти твои «солдаты удачи», извини за прямоту, не обеднеют, да ещё и узнают от настоящего профи такого, чего не сказано ни в одном наставлении.

– Ладно, не буду спорить, – кивнул я, прекрасно зная, что у наёмников дофигища самого разного боекомплекта. Как-никак, мы сами помогали ван Клейсту грузить ящики с боеприпасами и оружием, и походу успели посчитать то да сё. – «Калаш» у тебя румынский, что ли?

– Какой был, такой и взял, – видимо, припомнив что-то не очень приятное, тяжело вздохнул Сергей Николаевич. – Трофейному коню в зубы не смотрят.

– Ладно, по пути успеем поговорить и о нас, и о вас, – решил я, протягивая руку командиру танкового экипажа «диких гусей». – Сержант, мы были рады нашему знакомству. Надеюсь, в ближайшее время свидимся вновь.

– Я обязательно приеду в русский анклав и привезу господину майору два цинка патронов, – заверил Мишель. – Бертье всегда держит данное им слово.

Распрощавшись с танкистом, мы загрузились в «амтрэк» и покатили домой. Амфибия быстро обогнала все три тихоходных корабля, гуськом ползущих вдоль побережья. Как пояснил Константин, такой строй назывался кильватерным и был излюбленным строем на флоте. Мне, если честно, было глубоко фиолетово, каким строем ходят флотские, лишь бы они успели подойти к Данилово в светлое время суток. Иначе по темноте нам пришлось бы столкнуться с массой непредсказуемых трудностей, перевоза народ с кораблей в наш посёлок.

Предложив Стрелкову первым делом перекусить, чем бог послал, мы достали американские сухпайки, затем открыли консервы – обыкновенную российскую тушёнку и какие-то итальянские сардины в масле. Как я и предполагал, Сергей Николаевич сразу же поинтересовался, откуда у простых российских ментов взялись харчи потенциального противника. Мне пришлось вкратце рассказать о приключениях оперов в чужом мире, о последовательном и неожиданном появлении сначала того самого потенциального противника, а затем и потенциального союзника в виде отряда наёмников из далёкой Африки. Повествование плавно перешло к сражению с исламистами, к вояжу в техасский анклав...

– Командир, за нами идёт чья-то машина! – внезапно прервал мой рассказ Зеленцов. – Грузовик вроде знакомый!

– Стоп, моторы! Разворачивай! – крикнул я отцу и сыну Нидеррайтерам. – Все на выход!

– (Цензура), не хотел вот так, сразу, просить у едва знакомых людей, и, похоже, попал, – выругался Стрелков, демонстрируя полупустой магазин от своего автомата. – Мужики, у меня всего пятнадцать патронов. Подкиньте бэ-ка, если можете.

– Ну, ты даёшь, Сергей Николаевич, – с удивлением произнёс Зеленцов, протягивая майору набитый патронами магазин. – А чего же ты тогда так долго тянул переговоры с Русланом и Марком, когда те подошли к вам на траулере?

– Потому и тянул, что у нас с оружием и боекомплектom был полный абзац. Да и кто же в тот момент знал, что вы – свои, русские, – подмигнул капитану гость, принимая все три протянутых ему магазина: от самого Владислава, от меня и от Григорьева. – Эх, была бы у нас хотя бы пара «тэ-пятьдесят пятых» и десяток пулемётов – хрена бы лысого мы ушли с наших земель...

– Это польский «ивеко», – присмотревшись в бинокль, произнёс Александр. – Да, точно, поляки... В кабине вроде сам Дзенсикевич, а за рулём – Тадеуш. Ну, да, Тадеуш, как там его...

– Мазовецкий, – подсказал я, вскидывая свой бинокль. – Да, поляки... Чего это они сигналият? Рации, что ли, нет?

– Так, товарищи опера, объясните по-быстрому – это свои или нет? – оторвался от прицела Стрелков. – Триста метров до цели... Ну?

– Соседи, Сергей Николаевич, ещё вчера помогали восстанавливать разрушенные деревенские дома, – опустил автомат Зеленцов. – Вон, их главный нам рукой машет.

– Пан Владимир, пан Александр, пан Владислав! Панове! – соскочив с тормознувшего в десяти шагах от «амтрэка» грузовика, Дзенсикевич бросился к нам, размахивая руками и что-то тараторя по-польски. Я понял лишь «матка-бозка» и ещё пару слов, явно из церковного лексикона. – Чудо великое! Панове, чудо великое! Мы не одни в этом мире!

– О чём это он? – наш гость с подозрением воззрился на возбуждённого поляка, словно видел перед собой умалишённого. – Какое чудо?

– А хрен его знает, – признаюсь, в тот момент и меня посетила мысль о том, что у соседа, что называется, прохудился его «скворечник». – Пан Анжей, да, объясни ты наконец, что случилось!?

– Песня! Пан Владимир, ты слышишь эту песню? Это не запись – это прямой эфир! – махнув рукой в сторону «ивеко», Дзенсикевич перешёл на русский: – Польская радиостанция! Из Познани! Она вышла в эфир час назад! О, Матка Бозка!

– Вольфганг! – позвал я нашего немецкого товарища. – Будь добр, помоги с переводом, а то пан Анжей чересчур возбуждён.

– Да, это современная польская мелодия, – прислушавшись к исторгаемой из динамиков музыке, спустя полминуты подтвердил Нидеррайтер-старший. – Может, запись?

– Какая запись, панове?! – вскричал Дзенсикевич. – Говорю же вам – в эфир вышла эф-эм радиостанция из города Познань! Они уже обращались ко всем, кто их слышит!

– Пан Анжей, да верим мы тебе, верим, успокойся, пожалуйста, – произнёс я, переглянувшись с парнями. Пока большинство из нас смотрело на польские пляски Дзенсикевича, Костя обошёл грузовик, заглянул в кузов, после чего отрицательно качнул головой – чисто. Пан Тадеуш сидел за рулём, вполголоса подпевая, и, похоже, даже не сообразил, что лейтенант неспроста крутится вокруг его машины. – Ты лучше скажи, почему вы не сообщили об этом по рации. У солдат Жерара хорошая радиостанция.

– По рации? Забыли, пан Владимир, забыли, – на мгновение призадумался поляк. – Едва мы услышали в эфире родную речь, в Бялобжегах началось...

Словно подтверждая правдивость слов пана Анжея, музыка стихла, и из динамиков полилась характерная польская речь, с большим количеством шипящих согласных. Услыхав это, Дзенсикевич тотчас завопил словно резаный и... бросился обниматься.

Выудив откуда-то из закровов машины бутылку водки, Мазовецкий спрыгнул на песок и, свинтив крышку, с улыбкой протянул ёмкость Григорьеву. Бросив на меня вопросительный взгляд, Костя сделал небольшой глоток и передал водку капитану Барулину. Бутылка пошла по кругу и вскоре возвратилась к пану Тадеушу, опустошённая почти наполовину.

– Герр майор, это прямой эфир, – послушав, о чём говорит радиоведущий, Вольфганг снял шлем, проведя ладонью по своим коротким седым волосам. – Диктор говорит, что сутки назад поляки героически отбили нападение каких-то чёрных бандитов, а сегодня в Познань прибыл русский отряд. Из Москвы. Воевода города ведёт переговоры с русскими об объединении усилий... Ещё призывает жителей города не углубляться в лес в восточном направлении – там слишком опасная фауна.

– (Цензура), (цензура), охренеть можно, – высказал наше общее мнение Зеленцов. – Володя, а если перенеслось всё правительство, министры и прочие депутаты?

– Маловероятно. Земная поверхность перенеслась кластерами, кругами, диаметром примерно в десять километров каждый, – ответил я. – Кластеры словно вырезаны гигантским лазером, и вырезаны произвольно, вперемешку по странам и даже континентам. Москва, Влад, большая, и вряд ли перенеслась целиком...

– Откуда вы это всё знаете? – Стрелков посмотрел на меня так, что я невольно поёжился под пристальным взглядом майора.

– У нас есть карта ближайших окрестностей, – произнёс я, решив, что Николаич «дозрел» до серьёзного разговора о его будущем и будущем остальных беженцев. – Нарисована по снимкам, сделанными с самолёта.

– С «цессны»? – зачем-то уточнил гость. – Французами?

– Нет, у нас есть ещё один комплект фотоснимков, более качественный, сделанный с борта «ила», – прищурился я, наблюдая за реакцией Стрелкова. – Я не успел рассказать тебе,

как наши и французы догнали и положили в дрейф саудовский супертанкер, а ван Клейст со сводным отрядом бойцов трёх анклавов привёл этот трофей домой. В общем, у нас до хрена сырой нефти, которой должно хватить на ближайшее обозримое будущее.

В этот момент захрипела рация, сунутая Александром в разгрузку – нас вызывал кое-кто с позывным «Барракуда». Остановившись для разговора с поляками, мы и не заметили, что сторожевик прибавил ход, обогнав более медлительные танкер и судно типа «река-море». Руденко же увидел, что мы стоим, да ещё и в компании, и поинтересовался, не нужна ли поддержка с моря. Я вывалил на Руслана весть о внезапно заработавшей радиостанции из города Познань, предложил капитану послушать самому, указав частоты вещания. По ходу попросил Гельмута вызвать бельгийца, чтобы и тот получил шанс насладиться современной польской попсой.

Пока я разговаривал с экипажем траулера, радиоведущий перешёл на английский, а Дзенсикевич наконец-то прекратил трещать без умолку о провидении божьем. Мы прислушались к звучащей из динамиков речи, в которой сообщались общие сведения о некоем анклав поляков посреди чужого и враждебного мира. К сожалению, ди-джей не смог указать хоть какие-нибудь ориентиры своей дислокации, упомянув лишь, что к востоку от Познани раскинулись непроходимые реликтовые леса. В общем, кроме самого факта наличия ещё одного польского кластера, реально толковой информации оказалось с гулькин нос.

Разговор с Жераром не прояснил ничего нового – командир наёмников полагал, что радиостанция вещает из района, расположенного к северу, или западу от Тордаташа. Зато бельгиец сразу же высказал предположение, что и венгры, и поляки столкнулись с одними же и теми чернокожими агрессорами, базирующимися где-то поблизости от обоих анклавов.

Говоря о Москве и русских, ван Клейст порекомендовал нам не пороть горячку и не нестись сломя голову на поиск очередных соотечественников. Ибо для начала неплохо бы пристроить те две с половиной сотни беженцев, которые пребывали в неизвестности на борту СТК. Да, и неизвестно, какие люди оказались у власти в перенесённой в иной мир части столицы Российской Федерации, и с кем и с чем нам предстоит столкнуться.

В словах Жерара имелся определённый смысл – совсем недавно нам пришлось пресекать попытку насильственной смены власти в Данилово и его окрестностях. Переворотом руководили солидные и богатые люди, принадлежавшие к властимущей элите старого мира, не постеснявшиеся в выборе средств для достижения своих личных целей. Эти люди без зазрения совести отдали приказ «мочить» всех, кто встанет на пути толпы самозванных «революционеров». В результате спровоцированного столичными «шишками» кровопролития погибли участковый, глава администрации посёлка, несколько человек из числа самих нападавших. И, если бы не неожиданное появление в деревне иностранных военных медиков, смертей оказалось бы намного больше.

– Пан Анжей, пан Тадеуш, давайте-ка езжайте домой, – подводя итог разговорам, предложил я. – На данный момент ясно одно – где-то поблизости имеется ещё один польский кластер. Но пока мы не можем определиться даже с направлением поиска ваших соотечественников. Панове, приезжайте завтра в Данилово, и сами переговорите с ван Клейстом и американцами о том, где искать и как искать.

Распрощавшись с поляками, мы вновь выиграли соревнование в скорости у бывшего японского траулера и примерно через двадцать минут ответили на запрос наблюдательного поста. За эти двадцать минут я успел завершить повествование об эпопеи Данилово и его окрестностей, и даже поделился со Стрелковым некоторыми планами на будущее. Подумав, я не стал замалчивать информацию о кое-каких скользких моментах, которые возникали между нами и местными жителями, решив, что Сергей Николаевич должен знать правду. А правду, как известно, лучше всего узнавать из первых рук, а не по принципу ОБВС или через представителей второй древнейшей профессии. Иначе, как и при контактах с предста-

вительницами первой древнейшей профессии, существует большая вероятность подцепить что-нибудь весьма неприятное.

Выкатившись на трассу, мы получили возможность полюбоваться картиной из прошлой жизни, из жизни старого мира – свежеспаханное поле и мирно урчащий трактор на дальнем краю этого самого поля. Затем ветер донёс со стороны посёлка перестук молотков, сменившийся противным визгом мотопилы. На миг даже представилось, что вокруг нас нет никаких реликтовых лесов, нет моря, нет наёмников, поляков, аборигенов и всего прочего. Увы, очередной запрос по радиации вернул меня к суровой реальности бытия в чужом мире.

– Так, парни, домой заезжать не будем, остановимся и подождём Георгия у лётчиков, на самолётной стоянке, – решил я, переговорив по радиации с командиром ополчения. – Если Никитин подсуется и организует технику, то, может, и успеем перевезти беженцев до темноты.

– Эх, нам бы сейчас вездеход Марка. Перевезли бы людей на раз-два, – с сожалением вздохнул Зеленцов. – Идиот Доценко, (цензура) такую машину!

– О чём это он? – склонившись поближе к моему уху, поинтересовался Сергей Николаевич.

– Если коротко, то один хитрозадый пиндостанский еврей обвёл вокруг пальца местных деревенских лохов, – скрипнул зубами я. – В результате обмена «баш на баш» еврей получил вездеход «витязь» на ходу, а наши дурни стали богаче на два «бэтээра», «семидесятки», неисправные, да ещё и без вооружения.

– Вот оно, что, – протянул Стрелков. – Знаешь, а попроси-ка ты своего бельгийца вернуть вездеход в посёлок. С обоснованием, что эта машина нужна здесь, для разгрузки-погрузки судов. У вас же нет никакого причала?

– Причала нет, это правда, – задумался я. – Жерар, кстати, положил глаз и на эту нашу амфибию. Думаю, предложит обмен.

– «Амтрэк» не отдавай, майор. «Броня», прямо скажем, хреновенькая, вооружена слабо, но на ходу, да ещё и плавающая, – подумав, посоветовал гость. – А с «семидесятками» мы что-нибудь потом придумаем... А что за штука спрятана вон в том капонири?

– Автоматическая зенитка «вулкан», в буксируемом варианте, – ответил я, удивившись про себя тому, что Стрелков смог с ходу разглядеть отлично замаскированную огневую позицию наёмников. – Так, Николаич, если увидел ты, то увидит и другой спец... Чёрт возьми, надо позвать сержанта Маккоя, сказать, что его маскировка – дерьмо.

– Нет, не надо никого звать. Я угадал позицию метров со ста пятидесяти, а до этого мы проехали с километр, считай, под прицелом зенитки, – засмеялся майор. – Так что, сержант Маккой не заслужил... люлей... от союзников.

После сражения с исламистами блокпост возле стоянки нашей авиатехники подвергся кардинальной перестройке. Бетонные столбы и плиты пошли на сооружение сразу трёх огневых позиций, на шоссе появились тент, столик и стулья, а рядом постоянно торчала какая-нибудь машина. Днём «на блоке» постоянно находился дежурный из ополченцев, шастали туда-сюда занятые своими делами «дикие гуси» из отделения сержанта Маккоя. Под тент периодически заглядывали Сапрыкин и французы, с головой окунувшиеся в ремонт и обслуживание «цесны» и «ила».

На ночь пост ополченцев удваивался, а сами дружинники перебирались на сооружённую рядом с «боингом» десятиметровую вышку. Забраться на эту вышку можно было лишь с фюзеляжа самолёта «Люфтганзы». Свободные от службы наёмники с комфортом ночевали в «боинге» или в грузовой кабине «семьдесят шестого».

Лётчики проводили ночь на нашей базе, так как после потери в бою с исламистами половины лётного состава ван Клейст запретил оставшимся пилотам рисковать своими драгоценными жизнями. Здесь бельгиец был прав на все сто: именно лётчики сыграли важней-

шую роль в захвате супертанкера, благодаря чему земляне оказались обеспечены нефтью лет на пять вперёд. Оставалось придумать, как превратить «чёрное золото» в бензин, солярку и керосин.

Приехав «на блок», мы первым делом отловили Ориоля и Сапрыкина, оторвав их от возни с повреждённым двигателем двухмоторной «цессны». Поинтересовавшись перспективами проведения воздушной разведки в ближайшее время, узнали, что всё зависит от того, сумеют ли венгры воспроизвести на своих станках какую-то хитрую деталь или нет. Как выяснилось, за время нашего отсутствия Бросьер вышел на связь с капитаном Деларьеном и дал тому задание исследовать возможности станочного парка в венгерском анклав. Робер не подвёл, и теперь пилоты с нетерпением дожидались очередного конвоя до Тордаташа, чтобы доставить мадьярам образец и попробовать воссоздать нечто похожее.

Нашу беседу с лётчиками прервало появление колонны из четырёх грузовиков, направлявшихся из посёлка прямо на пляж. Главным «камазом» управлял командир даниловского ополчения, и мы не мешкая познакомили Стрелкова с Георгием. Последний сразу же оценил жизненный и военный опыт нашего гостя, предложив Сергею Николаевичу постоянное место жительства в Данилово, либо в любой из окрестных деревушек. Майор пообещал, что подумает, сославшись на то, что ему требуется посоветоваться с его людьми. Улучив момент, Зеленцов шепнул Георгию, что Стрелков тянет время лишь для вида, а сами беженцы, можно считать, уже у нас в кармане. Точнее, в Данилово и Замятино, где, как известно, достаточно пустующих домов.

Приехав на пляж, мы обнаружили там американских морпехов – у наблюдательного поста стояли «хамви» подполковника Коллинза и LAV-25 лейтенанта Фридмана. Американцы о чём-то беседовали с капралом, командиром наблюдателей, и посматривали в сторону подходивших с востока кораблей.

В полукилометре от берега застыл на якоре, словно остров, «Сириус Стар», у борта которого виднелась целая флотилия самых различных шлюпок и лодок. В стороне от супертанкера виднелась выступающая из воды верхняя часть надстройки потопленного саудовского фрегата, а в сотне метров напротив нас на мелководье распластавшейся птицей лежал совершивший вынужденную посадку «аэробус». Я сразу же обратил внимание на то, что наступил отлив, обнажив пилоны двигателей, и крылья самолёта слегка возвышаются над водной гладью.

– Вижу, что не соврали насчёт супертанкера и америкосов, – повертев головой, задумчивым тоном произнёс Стрелков. – Мда, скажи мне кто-нибудь месяц назад, что придётся вошкаться с живыми пиндосами – плюнул бы тому в рожу, не задумываясь.

– Пойми, ты, наконец, Сергей Николаевич, что у нас, по сути, нет деления на национальности, – произнёс я, глядя майору прямо в глаза. – А пиндосы, как ты их называешь, оказались более-менее нормальными людьми и не раздумывая пришли на помощь, по первой же просьбе.

– Ладно, не грузись, майор, всё я понимаю, не маленький, – усмехнулся Стрелков. – Уже и поворчать нельзя... на старости лет.

– Ладно, знакомство с «кожаными воротниками» отложим «на потом», – решил я, обращаясь к подошедшему здоровяку. – Георгий, а почему так мало машин? И где автобус?

– Сейчас все приедут, – ответил командир даниловского ополчения. – Володя, там азеры к нам на пэ-эм-жэ просят, говорят, что наёмники и постояльцы сожрали почти все их припасы.

– Подобного следовало ожидать, – засмеялся я. – Так они сами в гости пожаловали или по радио запрос дали?

– Вышли на связь через солдат ван Клейста, попросили кого-нибудь из начальства, Маккой вызвал меня, – разъяснил Георгий. – Ты мне лучше скажи – стоящие они люди или так себе? Если толковые, работающие, то пусть переезжают, места всем хватит.

– А шут их знает, если честно, – я не стал кривить душой и ручаться за малознакомых людей. – В принципе, среди постояльцев Мамеда есть толковые мужики, которых надо бы сманить к нам, в Данилово. Кроме того, у тех водил есть техника, грузовики, да и с бойцами у нас негусто.

– Ну, надеюсь, на этом корабле хоть с полсотни мужиков да найдётся, – Георгий махнул рукой в сторону приближавшегося судна. – Сергей Николаевич, ведь найдётся, да?

– У меня в строю всего девять человек, – хриплым голосом ответил Стрелков. – Девять! Из сорока... Из сорока добровольцев, взявшихся за оружие... Остальные – гражданские, бабы, дети, раненые.

– Давай, Сергей, рассказывай про вашу эпопею, – я почувствовал, что наши ресурсы, вооружение и союзники всё же произвели на майора впечатление, и ему нужно выговориться. – Здесь все свои, практически узкий круг в малом составе, так сказать.

– Да что рассказывать... Есть закурить? – похлопав по карманам, Стрелков вопросительно взглянул на меня. Зеленцов протянул гостю пачку «Мальборо», настоящего, американского производства, найденную в каком-то чемодане на пляже. – Началось всё, как в том анекдоте, где утро добрым не бывает... Меня разбудил сосед, частный сектор, как-никак...

...Ну да, всё почти как у всех – в первый день после катаклизма люди метались по округе, везде натываясь на джунгли чужого мира, – слушая Николаича, я автоматически сравнивал его ситуацию с нашей. – Ага, на второй день они, как и мы, пересеклись с соседями – рядом оказался кластер с окраиной Бобровска, несколько деревушек... А вот с соседями-«латиносами» им круто не повезло...

– А кто спровоцировал столкновение – наши или бразильцы? – Александр перехватил мой взгляд, кивнул головой, мол, всё путём, командир. – Прям Троянская война какая-то...

– Наши, конечно, уроды малолетние. «Мажоры», мать их, привыкли к безнаказанности за спинами своих родителей из обладминистрации, – Стрелков со злостью отшвырнул окурок далеко в сторону. – Если изнасилованные девки шумели сверх меры и не соглашались на отступные, предки давили на ментов, на прокурорских, а дальше и объяснять не надо...

...В отличие от нас, занятых решением внутренних проблем, белгородцы уже на второй день перешли к изучению окружающей их местности. К сожалению, разведкой занялись все кому не лень, точнее, те, у кого имелись ресурсы в виде хороших внедорожников, и кто страстно желал найти себе приключений на одно место. Имея и первое и второе, «золотая молодёжь» Белгорода, видимо, решила, что им выпал шанс поиграть в очередную крутую игру, что-то типа ралли «Париж-Дакар» по местным джунглям.

Самоназначенные «разведчики» быстро обнаружили пару соседних анклавов, познакомились с жителями города Бобровска и с обитателями фавел Сан-Паулу. Первые не произвели на «золотую молодёжь» особого впечатления – такие же россияне, ничего интересного. А вот бразильцы – экзотика, с ними оказалось интересно и за жизнь побазарить на языке проклятых «гринго», и косячок забить, и вискаря хапнуть.

Поначалу всё шло мирно и дружно, никто никого не бил и не резал. Парни перетирали и пили за дружбу народов, и вообще, вокруг крутились мулатки с круглыми попками и шоколадного цвета кожей. Дамочки произвели сногосшибающее впечатление на накачанных наркотой и алкоголем пацанов, и те с чего-то решили, что бразильянки дадут им сразу и без проблем. Мулатки придерживались иного мнения насчёт «дать сразу», и, вместо того чтобы расслабиться и получать удовольствие, подняли визг и шум. В результате такой несогласованности у белгородских «мажоров» возникла потасовка с не пожелавшими делиться своими женщинами бразильскими мачо, быстро переросшая в перестрелку.

Практически сразу же выяснилось, что «шоколадные» парни вооружены на порядок лучше своих бледнолицых визави, а кокаин с коньяком не давал такой же неуязвимости и сверхметкости, как волшебный эликсир всевластия в компьютерных играх. В общем, из десяти горе-разведчиков домой вернулись лишь четверо, оставив на поле боя не только тела своих товарищей, но ещё и подарив обитателям фавел в качестве трофеев пару отличных японских внедорожников. Самое же поганое в этой ситуации оказалось то, что по возвращении домой «мажоры» сразу же кинулись глушить водку на хате у какой-то разбитной девицы, словно нашкодившие коты, и никому не поведали о своих похождениях.

На следующий день более двух с половиной сотен хорошо вооружённых бразильцев нанесли ответный визит сразу в оба российских кластера. Видимо, «латиносы» не особенно хорошо разбирались в географии и не нашли никакой разницы между соседями, посчитав, что все русские одинаково виноваты в произошедшем вчера конфликте. В принципе, бразильцы были в своём праве: в аналогичной ситуации никто бы не стал выяснять, кто, к примеру, конкретно виновен – жители города Майями или ньюйоркцы. И те и другие являлись американцами, следовательно, должны были понести коллективную ответственность за своих бестолковых соотечественников.

Нападение застало врасплох немногочисленных полицейских и добровольцев из числа местных охотников, дежуривших на импровизированном блокпосту на окраине кластера. Быстро выяснилось, что беднота из фавел обладает подавляющим огневым превосходством, и шутить с «латиносами» ой как не стоило. Массированным огнём из «базук» и пулемётов горячие южане почти мгновенно смели и блокпост и его защитников.

Затем бразильцы пронеслись по городским улицам на джипах и внедорожниках, словно ураган, стреляя налево и направо, подожгли с десятков строений и, наткнувшись в нескольких местах на жёсткий отпор, быстро убрались прочь. Позднее выяснилось, что «латиносы» прихватили с собой пару десятков пленных, в основном лиц женского пола.

Среди жителей анклава началась паника, многие бросились спасаться в джунглях чужого мира, десятки машин отправились в сторону бобровского кластера. В этот момент бразильцы произвели огневой налёт на другом участке, выстрелами из «базук» подожгли деревянные дома в частном секторе, а затем вновь попытались атаковать белгородцев. Атаку удалось отбить, нанеся «шоколадным» потери в живой силе, и даже захватить трофей – джип с установленным на нём пулемётом.

К этому времени вокруг Стрелкова самоорганизовался отряд из трёх десятков понюхавших пороху мужиков, вооружённых в основном ружьями и карабинами. Ещё одну группу из бывших военных и действующих полицейских сформировал подполковник Николишин, командир танкового батальона, приехавший на праздники в город, чтобы погостить у своей матери.

Кроме вышеуказанных групп ополчения в анклав действовали ещё два-три более многочисленных отряда, состоявших из представителей криминального мира, охранников, да и просто отчаянных мужиков. Именно одна из таких групп разыскала и выволокла из подполья четвёрку вдрызг пьяных «мажоров», которые поведали о причине конфликта с бразильцами и своей роли в нём.

Здесь следует сделать отступление и рассказать о географии района, куда провидение забросило наших соотечественников и их латиноамериканских соседей. К востоку и юго-востоку от белгородского и бобровского кластеров простиралось огромное пресноводное озеро, можно сказать, что оба анклава стояли на берегу этого водоёма. Западнее белгородцев оказался какой-то явно земной ландшафт, весьма напоминавший джунгли Южной Америки или Юго-Восточной Азии. Северо-западнее раскинулись кварталы Сан-Паулу, в основном фавелы. А к северу от бобровского анклава катаклизм закинул в другой мир ещё более опасного противника, чем неуступчивые бразильцы...

Вечером того же дня в гости к белгородцам пожаловала группа моряков с судна типа «река-море», вот уже три дня бороздившего просторы огромного озера. Увидев несколько столбов дыма, поднимавшихся над сушей, капитан Горбань принял решение высадиться на берег и попытаться разыскать людей. Угодил, как говорится, прямо с корабля на бал, точнее, в пекло самой настоящей войны.

На следующее утро враг атаковал соседний, бобровский кластер, и дело сразу же приняло очень плохой оборот. В бой вступили северные соседи обоих русских анклавов – боевики мексиканского наркокартеля «Лос-Зетас», причём не тупоголовые отморозки низшего звена, а прекрасно подготовленный и вооружённый элитный отряд данного преступного синдиката. Думаю, не следует объяснять, что жители фавел Сан-Паулу легко нашли общий язык с «зетасами», сразу же на порядок увеличив общий ударный потенциал «латиносов». В общем, где-то к полудню противник сломил сопротивление бобровских полицейских и добровольцев, окружил их и принялся постепенно зачищать захваченную территорию.

Получив известие, что у соседей дела плохи, подполковник Николишин повёл на выручку свой отряд, но, увы, не смог пробиться к окружённым и был вынужден отойти обратно. Отлично вооружённые «зетасы» имели подавляющее огневое превосходство, и подполковник не стал гнать своих людей на убой. Тем не менее, благодаря Николишину и его пятидесяти бойцам, из бобровского анклава смогло вырваться некоторое количество мирных жителей – женщины, дети, старики.

Пытаясь отвлечь вражеские силы от соседей, отряд Сергея Николаевича рискнул атаковать бразильский кластер, и даже завязал уличные бои в трущобах. К сожалению, неведомый катаклизм забросил в чужой мир не только бесчисленные кварталы фавел, но и десятка полтора небоскрёбов, в результате чего бразильцы имели возможность координировать свои действия в обороне. Как только ветеран трёх войн почувствовал, что «латиносы» стали напирать на фланги – он тотчас начал отвод своих бойцов обратно, в чужой лес. Бразильцы не стали преследовать русских по пятам, видимо, опасаясь попасть в засаду, и ограничились обстрелом отходящих.

А далее произошла катастрофа. До появления на сцене мексиканцев обе стороны вели войну между собой, в основном в дневное время суток, предпочитая проводить ночь в привычных, земных условиях. Ночной лес чужого мира таил в себе множество опасностей, и мало кто хотел бестолково завершить свой жизненный путь в пасти какой-нибудь местной твари. В свою очередь, боевики «Лос-Зетас», всегда делавшие ставку на запугивание своих врагов, сразу же сообразили, что бледнолицые либо боятся здешней ночной фауны, либо плохо подготовлены к боевым действиям в джунглях в тёмное время суток.

Видимо, во главе «зетас» стоял грамотный специалист, поэтому мексиканцы и примкнувшие к ним бразильцы не стали торопиться с окончательной зачисткой бобровского анклава. Оставив в кластере силы, достаточные для удержания загнанных в «котёл» русских, враг вечером выступил на юг. Где-то в районе двух часов ночи противник атаковал белгородцев на широком фронте и быстро прорвался в нескольких местах вглубь русской территории. Сражение сразу же приняло ожесточённый характер, местами дело доходило до рукопашных схваток, но уже к утру стало ясно, что силы сторон слишком неравны.

В течение дня боевики наркокартеля и бразильцы рассекли анклав на две-три части и не спеша методично расстреливали защитников из крупнокалиберных пулемётов, гранатомётов и снайперских винтовок. Наши были вынуждены отходить сразу по нескольким расходящимся направлениям, и к вечеру четвёртого дня остатки отрядов Стрелкова и Николишина отступили на берег большого озера. Здесь уже находилась целая толпа беженцев, тех, кому повезло выскользнуть из-под обстрела, а в полутора десятков метрах от берега на якоре стоял корабль... По словам Сергея Николаевича, решение он принял моментально,

как только увидел СТК и его капитана, который не испугался остаться, хотя мог увести своё судно в любой момент.

...Если смотреть правде в глаза, то исламистов подвела их относительная малочисленность. Если бы сомалийцев оказалось на пару десятков больше – в лучшем случае мы бы закрепились в Замятино, – подумал я, бросив взгляд на стоящих рядом товарищей. – А если бы нападавших было на пару сотен больше, то мы бы не удержали Данилово даже при поддержке наёмников и всего их бронепарка. Чёрт, лишь бы у бразильцев и “Лос-Зетас” не оказалось самолётов и кораблей...»

– Эй, народ, кто умер-то? Евпатий-Коловратий, тишина, словно на похоронах, – сквозь замолкающий шум лодочного мотора послышался хорошо знакомый голос. – Кричу вам, кричу, а вы оглохли, что ли. Володя, что происходит, чёрт подери?

– Извини, Руслан, мы тут... задумались немножко, – тяжело вздохнув, отозвался я. – Сергей Николаевич коротко рассказал об их эпопее... А ты один, что ли?

– Марк с Сухониным остались на сторожевике, а я взял «зодиак» и к вам, – капитан махнул рукой в сторону японского траулера. – Ну, что, мужики, ждём «Маджестик» или начнём без него?

– Надо начинать прямо сейчас, если хотим успеть до темноты, – глянув на местное светило, произнёс Георгий. – Пока всех перевезём, пока разместим... Хорошо, если к полуночи управимся.

Командир даниловского ополчения был полностью прав: времени до заката оставалось не столь много, а СТК никак не мог высадить беженцев прямо на пляж. Судно встало на якорь примерно в четырёх сотнях метрах от уреза воды, у его борта уже покачивались шлюпки «Звезды», трофейные пиратские лодки и «зодиаки». Заявив, что перед транспортировкой раненых их сначала следует осмотреть на месте, Коллинз и прочие медики-американцы забрали у Руденко его плавсредство и понеслись к кораблю с верховий Амазонки.

Спустя четверть часа к берегу подошёл «зодиак», доставив на сушу первую партию беженцев. Затем шлюпки и лодки засновали между судном и пляжем, словно общественный транспорт в час пик, высаживая на берег все новых и новых людей, мы засуетились, помогая женщинам и детям залезать в грузовики. Автобус, увы, имелся всего в единственном экземпляре, и он очень быстро наполнился беженцами старшей возрастной группы и матерями с маленькими детьми.

Где-то через полчаса на связь вышел Дэвид, сообщив, что несколько пострадавших придётся прооперировать прямо на борту СТК. Подполковник попросил поскорее доставить на корабль наших незаменимых женщин, Марину и Диану, без помощи которых хирург не мог найти общий язык с некоторыми строптивыми пациентами. Кроме этого, Джулия Санчес диагностировала у капитана Горбаня инфаркт, категорически запретив тому подниматься на ноги. Командование судном перешло к помощнику Игоря Степановича, слишком молодому и неопытному парню лет двадцати пяти.

Чтобы не мотаться в посёлок и не жечь попусту топливо, мы передали запрос Коллинза комендатуре, и спустя какое-то время на пляж примчались наши дамы, заплаканные и перепуганные. Как оказалось, мальчишка-посыльный что-то недопонял, нафантазировал, на ходу сочинив историю, что, мол, это мы с Русланом ранены, и нас даже не могут вывезти с борта корабля. В общем, сработал классический эффект испорченного телефона, завершившийся рыданиями и упрёками в чёрствости и бесчувственности. Ни Марина, ни Диана почему-то не догадались сначала попробовать вызвать нас по рации прямо из комендатуры. Девушки просто прыгнули в первый же попутный грузовик и понеслись спасать своих ненаглядных мужчин, а чёртов мальчишка-фантазёр избежал вполне заслуженного подзатыльника.

Пока мы успокаивали наших женщин, подошёл индийский танкер, и его шлюпки сразу же включились в перевозку народа. К заходу солнца на пляже не осталось ни одного беженца, а две с половиной сотни вновь прибывших наполнили посёлок давно не виданной суетой и шумом. Проторчав на пляже ещё с полчаса, мы наконец-то дождались появления ван Клейста и, забрав его и пару наёмников, покатали в Данилово. Впереди предстояли длительные переговоры со Стрелковым и бельгийцем, и хорошо было бы что-нибудь перекусить, а то неудобно на голодный желудок решать судьбы мира.

Где-то за полночь Стрелков закончил более подробный рассказ о трагедии двух российских кластеров, и во дворе дома Никитина воцарилась тишина, прерываемая лишь хрустом свиных рёбрышек – проглот Гивинс не удержался и попросил добавки у супруги Василия. Глядя на довольного, как удав, наёмника, я невольно сравнил кулинарные способности двух женщин – жены главы администрации и Марины, и это сравнение оказалось не в пользу последней. В перспективе стоило бы научить мою девушку хорошо готовить, либо... поменять её на более искусную хозяйку. А ещё лучше – завести себе сразу парочку жён, как у арабов, благо количество женщин уже раза в полтора превосходило число мужиков. При том общественном строе, который де-факто установился на территории конфедерации, о моногамии следовало бы поскорее забыть.

– Вот что, Сергей Николаевич, оставайтесь-ка вы все в Данилово, пока у нас ещё есть пустые хаты, – Никитин закашлялся, переводя дух. – А то пока ты делаешь вид, что крепко думаешь, придётся приютить ещё кого-нибудь, и тогда придётся расселять вас в Борисовку, или в кластер к азерам.

– Азеры сами собрались переселяться к нам, – напомнил Георгий. – А в Борисовку нужно сначала послать Матвеича с мужиками – пусть оценят состояние бесхозных изб.

– Я озабочен состоянием дел у венгров, поэтому намерен сконцентрировать силы мобильной группы «Запад» в анклав Мамедоффка. Я предупреждал вас, товарищи, что Борисоффка – это зона ответственности русских, – выслушав перевод диалога, заявил Жерар. – Кроме этого, мне нужны бульдозеры для прокладки дороги сквозь джунгли, чтобы из кластера Мамедоффка ездить в Тордаташ напрямик.

– Так... А что будем делать с поляками? – поинтересовался я. – Паны сойдут с ума, если не найдут своих соотечественников из Познани.

– Ещё до того, как мы стали на якорь, я приказал Сингху взять пеленг на польскую радиостанцию. Шестьдесят восемь километров на северо-запад, – слегка поморщился командир «диких гусей». – Если наши друзья из Бялобжегов желают проявить героизм – пусть сами едут и ищут своих соотечественников. У меня нет лишних людей, чтобы искать чёрную кошку в тёмной комнате.

– Кхм, команданте, если вы желаете вытащить «аэробус» из воды, то сейчас самое время начать работу, – неожиданно вступил в разговор наш Эрик Робертович. – Я готов возглавить операцию, и если найду подходящую по плавучести древесину, то гарантирую положительный результат.

– Господин капитан третьего ранга, а вы не могли бы в ближайшие дни оценить перспективы подъёма саудовского фрегата? – бельгиец в задумчивости почесал гладко выбритый подбородок. – Уточню: меня в первую очередь интересует возможность демонтажа артиллерийского вооружения и извлечение боекомплекта к орудиям. Ну, и заодно хорошо бы снять с корабля всё, что только будет возможно.

– Задача ясна. Если разрешите привлечь к делу господина Такэду и его команду вместе с траулером, то через пару дней я смогу сказать что-то определённое, – немного подумав, ответил Эрик Робертович. – Ещё хотелось бы переговорить с пленными арабами, надеюсь, что не все они тупоголовые фанатики.

– Я попрошу капитана Ланна, чтобы он оказал вам полное содействие в этом вопросе, – кивнул ван Клейст. – А с арабами вообще делайте, что хотите – мне нужен результат.

– Володя, покажи же ты, наконец, те железки, что вы привезли с левобережья, – ещё на пляже, послушав мой короткий рассказ о стычке с аборигенами, Георгий загорелся любопытством, желая оценить работу местных металлургов и кузнецов. Сейчас он не преминул воспользоваться паузой в переговорах. – Не жадничай, дай нам взглянуть хоть одним глазком.

– Смотрите, мне же не жалко. Можно даже потрогать руками, попробовать на изгиб, – усмехнулся я, доставая из-под стола свёрток с оружием аборигенов. – Если серьёзно, то хотелось бы определить, что это за сплав такой хитрый.

Трофейные меч и копья, что называется, пошли по рукам, почти каждый счёл своим долгом попытаться согнуть или поцарапать изделия из непонятного металла. Быстро выяснилось, что девайс здешних аборигенов обладает необыкновенными качествами – металл почти не гнулся, а попытки оставить на его поверхности царапины так и не увенчались успехом. Более того, покрутив в руках меч, Вышинский неожиданно предположил, что это образец массового, промышленного производства, и, скорее всего, очень древний.

– Понятия не имею, что это за сплав, кто и как его сделал, но ему явно несколько сотен лет, – заявил Юрий Александрович. – В своё время я посмотрелся в музеях Питера множество исторического железа, поэтому с полной ответственностью утверждаю, что этот артефакт не похож ни на один из земных образцов холодного оружия.

– Вроде меч как меч, ничего особенного, – пожал плечами Александр. – Что в нём такого особенного и загадочного, кроме качества работы?

– Пропорции, молодой человек, Вас не смущают его пропорции? – посмотрев на Барулина, ответил Вышинский. – К примеру, у меня возникло стойкое ощущение, что сие – вовсе не меч, а увеличенный в размерах кинжал. Иначе сложно объяснить столь неудобную рукоятку этого образца.

– Шутить изволите, Юрий Александрович, – улыбнулся капитан. – Это каких же размеров должна быть лапища у его создателей, а?

– Таких же, как та, что оставила кровавые отпечатки на надстройке траулера, – неожиданно произнёс Зеленцов. – Рука великана, лапа циклопа, или ещё какого-нибудь Голиафа.

– Так что, получается, что здесь живут великаны? – совершенно искренне удивился лейтенант Григорьев. – Влад, ты серьёзно, что ли?

– Поживём – увидим. Точнее, поймаем, снимем отпечатки пальцев и сравним с образцами с траулера, – криво усмехнулся Владислав, похлопав себя по карману разгрузки. – Я всё на айфон снял... Ладно, не парьтесь, вон, наконечники копий вполне нормальные, прямо как наши, земные.

– Кстати, эти ваши наконечники копий изначально могли быть и наконечниками стрел, – самым серьёзным тоном заявил Вышинский. – Если есть хорошие наконечники, плюс нормальная древесина под боком, то сделать копье – плёвое дело. Я бы мог это продемонстрировать, если вы пожертвуете одним из трофейных изделий.

– Товарищи, давайте, наконец, перейдём к более серьёзным вопросам и оставим загадку тайн этого мира «на потом», – буквально взмолился Никитин. – Слава богу, что на судне с беженцами оказался груз продовольствия, и в ближайшее время мы не положим зубы на полку. Георгий, есть мысли, как сгрузить на сушу контейнеры с продуктами?

– Чтобы снять контейнеры с корабля, нужны причал и серьёзный кран, а ни того, ни другого у нас нема, – здоровяк почесал щетину на подбородке. – Поэтому мобилизуем народ, подгоним лодки и шлюпки и будем разгружать вручную. Потом сдёрнем опустевшие контейнеры верхнего ряда в воду и отбуксируем их на берег. Вот и всё, что я могу предложить.

– Игорь Степанович говорил, что в двух контейнерах в трюме финские мотопилы или что-то вроде того, и ещё какое-то оборудование, – припомнил Стрелков. – Какое именно, я сейчас не скажу, надо глянуть документацию на груз, а ещё лучше – вскрыть сами контейнеры.

– Ну, газовая горелка у нас найдётся, – улыбнулся Георгий. – Ты, Сергей Николаевич, будь добр, дай с завтрашнего дня людям, лучше всего, мужиков покрепче, чтобы мы могли управиться с разгрузкой как можно быстрее.

– Хорошо, объясню народу, что нужно поработать в авральном режиме, да и сам поработаю грузчиком, – кивнул Стрелков. – У нас, если надо, и женщины выйдут тягать мешки.

– Господин майор, будет лучше, если вы и ваши лучшие бойцы усилят отряд Владимира, и русские произведут разведку данной местности, – достав из планшета карту, бельгиец развернул её на столе и выразительно постучал пальцем по соседнему с Борисовкой анклавом. – Из этого района можно нанести фланговый удар и по венграм, и по кластеру Мамедовфка, и я бы хотел знать, стоит ли мне бояться его обитателей.

– Вы полностью правы, господин капитан, нам давно следовало бы скататься на разведку в этот кластер, – ван Клейст был прав на все сто – несколько дней назад мы собирались проехать на запад от Борисовки, найти следы тех, типа, крутых парней из мамедовского анклава. К сожалению, из-за нападения исламистов нашим планам не суждено было сбыться. Сейчас же... Сейчас у нас имелись и силы, и возможности. – Сергей Николаевич, давайте пересаживайтесь поближе к Жерару, обсудим взаимодействие с его парнями...

Разложив на столе нашу самую лучшую, нарисованную от руки карту, мы первым делом перешли к географическому ликбезу для вновь прибывших. Между делом выяснилось, что некоторые даниловские «аборигены» так же смутно представляют себе размеры территории, зажатой между изгибами Амазонки и берегом моря, куда Провидение Божье закинуло частички земной поверхности. Поэтому командир наёмников был вынужден брать на себя роль учителя географии, водя кухонным ножом по самолично скомпонованной бумажной конструкции.

Итак, анклавы с землянами протянулись с запада на восток примерно на сотню километров вдоль побережья моря и приблизительно на тридцать километров вглубь суши. Каждый земной кластер представлял собой неведомо, каким образом «вырезанный» круг, приблизительно в десять-одиннадцать километров диаметром, со всех сторон окружённый территорией чужого мира. Круги земного ландшафта располагались в чётком шахматном порядке, минимальная дистанция между двумя соседними анклавами одного ряда составляла, как мы полагали, всё те же десять-одиннадцать километров. А вот минимальное расстояние между соседними кластерами из двух соседних рядов составляло пять километров с какой-то там сотней-другой метров впридачу.

В самый первый ряд, если смотреть вдоль побережья с востока на запад, от реки, Провидение закинуло немцев, поляков, русских и дважды – американцев. Во второй ряд угодили «солдаты удачи», какая-то необитаемая территория Евразии, придорожный ресторанчик с азербайджанцами и дальноточниками и многолюдный венгерский посёлок. В третьем ряду оказались американские сектанты-амиши, о которых большинство из моих парней имело крайне смутное представление, затем следовала деревенька Борисовка, а далее – цель нашего завтрашнего рейда, «терра инкогнита», куда, похоже, не ступала нога питерского опера.

Ван Клейст мгновенно оценил выгодное тактическое местоположение этого, ещё неисследованного анклава, из которого можно было нанести удар и по венграм, и по «Мамедовке», и по Борисовке. Кроме того, имелись все основания предполагать, что самым крайним к западу в этом третьем ряду кластеров был тот самый железнодорожный полустанок, откуда начались приключения Сухонина в чужом мире. Вот, собственно, и вся территория,

втиснувшаяся между морем и многокилометровой загогулиной, которую выписывало русло Амазонки.

Затратив с час времени на разработку плана, уточнения и прочее, мы распрощались с гостеприимными хозяевами и отправились ночевать на базу. К этому времени посёлок постепенно утихомирился, погрузившись в темноту, разрываемую лишь лаем собак. Понятие темноты, впрочем, в новом мире было относительным, учитывая наличие двух весьма ярких спутников планеты и третьего, более тусклого. В результате тёмное время суток походило на короткую летнюю ночь в полнолуние где-нибудь на широте Великого Новгорода, с причудливой игрой с тенью и светом в исполнении пары тех самых ярких лун.

Сразу же по прибытии Стрелков разместил с полдесятка своих бойцов в здании школы, среди наиболее напуганных беженцев, а сам с оставшимися четырьмя парнями принял приглашение переночевать в особняке Еремеева. Большинство легкораненых бойцов Сергея Николаевича до утра оставались на борту СТК, где им оказывали посильную медицинскую помощь. Ещё пятерых американские медики отпустили сразу же после осмотра их ран и наложения новых повязок. В общем, можно было считать, что даниловский гарнизон пополнился на полтора десятка опытных бойцов, с перспективой увеличения численности за счёт выздоровления дюжины тяжелораненых. А если учесть, что основная масса отряда Стрелкова состояла из сотрудников различных силовых ведомств, в том числе и армейцев, можно было считать, что мы наконец-то сможем заткнуть дыры в обороне анклава своими собственными силами.

Ночь прошла относительно спокойно, по крайней мере, без стрельбы в самом посёлке и его ближайших окрестностях. Впрочем, я всё равно плохо спал, наверное, по причине отсутствия рядом Марины, которая осталась ночевать на корабле с верховий Амазонки. В голову лезли всякие мысли, идеи, планы, и я сумел уснуть лишь где-то под утро. Повезло ещё, что Георгий сжалился над нами и прислал двоих молодых ополченцев, чтобы те заменили моих парней и позволили бы нам полноценно отдохнуть перед предстоящим рейдом.

Утро, как известно, добрым не бывает. Особенно если часиков в шесть утра к вам во двор въезжает грузовик, и из него вываливается целая толпа поляков, страшно жаждущих добраться до пана майора. Причём господам полякам, яти их мать, глубоко до одного места, выпался ли пан майор или нет, и, вообще, желает ли он спозаранку общаться с незваными гостями. Поэтому вам приходится проявлять чудеса этикета и дипломатии, чтобы не обложиться матом соседей-восточноевропейцев, тупо кивать, выслушивая их дурацкие идеи о совместном путешествии по местному лесу в поисках их соплеменников.

Особенно позабавило мнение одного пана, заявившего, что «ивеко» с тентом идеально подходит, чтобы рассекать по здешним ландшафтам. Ага, подходит, как же... До первого встречного леозавра, который вмиг окажется в кузове и покажет полякам, какого цвета кровь течёт по их жилам. В общем, спустя какое-то время пришлось применить иезуитскую хитрость и отослать соседей к... ван Клейсту. Пусть и у бельгийца поболит голова, пусть и он посопереживает судьбе соотечественников наших польских товарищей.

Избавившись от поляков, мы по-быстрому провели планёрку, обсудив наиболее вероятные варианты развития событий, попрощались с товарищами и выехали из Данилово. Ехали в том же составе, что и вчера, плюс взяли четверых бойцов из отряда Стрелкова. Сам Сергей Николаевич остался в посёлке, чтобы решать разные организационные вопросы, где требовался его личный авторитет.

На базе за старшего остался Ковалёв, постепенно восстанавливавшийся после ранения, а вот Руслана с Марком пришлось откомандировать в распоряжение Сухонина. Эрик Робертович пожелал, чтобы рядом с ним постоянно находились, как он выразился, «родные лица», и чтобы те приглядывали за потомками самураев. Я сомневался, что японцы замутят

какую-нибудь подляну, но, учитывая важность работы экипажа траулера для всей конфедерации, отдал Сухонину двух отличных парней.

На этот раз мы решили ехать на двух машинах, точнее, на одной машине и на американском бронетранспортёре. За последние дни «амтрэк» зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, и было бы глупо не использовать столь прекрасную технику в предстоящем разведрейде. А вот мой верный «мерс» потихоньку начинал сдавать, и это я почувствовал сразу же после начала поездки. Как я и опасался, даже хвалёное германское качество не выдержало прыжка с полутораметрового обрыва, в результате чего у джипа возникли какие-то проблемы с подвеской. А если учесть, что ближайший автосервис остался чёрт знает где...

Ехали не торопясь, внимательно рассматривая окружающий ландшафт, а после пересечения границы двух миров вообще снизили скорость до жалких пятнадцати километров в час. Причина столь низкой скорости движения состояла в том, что дорога в Борисовку постоянно петляла между деревьями-великанами, приходилось выискивать метки, оставленные как нами самими, так и наёмниками. Поэтому куца колонна шарахалась в полумраке чужого леса из стороны в сторону, рёвом моторов и лязгом гусениц распугивала крупных зелёных варанов и прочую, более мелкую местную живность. Здешняя фауна ещё не осознала, что человек пришёл в этот мир надолго, и не очень-то спешила уступать дорогу стальным монстрам, а мы не торопились тратить дефицитные патроны на ленивых ящериц. Как показывала жизнь, для автоматов и пулемётов в чужом мире имелись более достойные цели, чем полусонные двухметровые твари.

Чтобы наше пополнение быстрее осваивалось в совершенно незнакомой для них местности, я посадил к себе в «мерс» двоих новичков – старшего лейтенанта Всеволода Кутейкина и сержанта Петра Иванова. Старший лейтенант командовал мотострелковым взводом в одной из частей под Белгородом и вот-вот должен был получить роту и «капитана», если бы не катаклизм. Катастрофа застала Кутейкина у его девушки, с которой он собирался вскорости пожениться, и мигом разрушила военную карьеру будущего капитана.

Находясь под командованием Стрелкова, Всеволод успел побывать почти во всех боях, в которых участвовал отряд Сергея Николаевича, не получив даже ни одной царапины. Самое удивительное было то, что при отступлении из анклава старший лейтенант умудрился выдернуть из пекла и неразберихи собственную девушку с её семьёй. Стрелков охарактеризовал Кутейкина как грамотного, смелого, профессионального офицера, обладавшего исключительным везением. Поэтому я решил взять Севу в рейд, чтобы присмотреться к нему поближе, с перспективой на будущее.

Второй новичок, сержант Пётр Иванов, до катаклизма был самым обыкновенным патрульным, служил в ППС, и оказался единственным полицейским, уцелевшим в первом бою с обитателями фавел. Двадцать пять лет, с ничем не примечательной внешностью, можно сказать, типичный «пепс», которого можно встретить на улицах любого из российских городов, сержант, по словам Игоря Николаевича, отличался редкостной чуйкой на ситуацию. Наверное, именно эта самая чуйка и могла Иванову пройти через настоящий ад во время рейда к Бобровску, не получив ни ранений, ни травм, ни контузии.

Кроме того, сержант оказался чуть ли не единственным бойцом Стрелкова, кто воевал с выданным ему табельным оружием, не с трофейным и не с взятым из рук погибших товарищей. Даже оказавшись в Данилово, Пётр отклонил предложение Зеленцова заменить «ксюху» на что-нибудь длинноствольное, заявив, что его автомат несколько раз спасал ему жизнь, и его ни за что нельзя менять на что-то другое. Владислав не настаивал, выдал сержанту Иванову четыре запасных магазина, отсыпал пару сотен патронов, а затем рассказал мне о столь чудном парне.

Ещё двое новичков, ехавших во чреве амфибии, относительно недавно уволились из армии, где проходили службу по контракту. За время службы в одной части Степан с Викто-

ром сдружились с ещё одним товарищем и, приняв решение не продлевать контракт дальше, организовали свой собственный частный бизнес. Договорившись со знакомыми ментами о принципах взаимовыгодного сотрудничества, трое парней открыли небольшую автомастерскую и спокойно работали несколько месяцев, пока внезапно не нагрянула катастрофа.

К концу второго дня все трое присоединились к группе самообороны своего района, а ещё через сутки вели бои с бразильцами в составе отряда Стрелкова. Во время отступления к берегу озера погиб один из троих товарищей, а Виктор получил лёгкое ранение в руку – пуля прочертила глубокую кровавую борозду по бицепсу. Парень не обращал внимания на свою, как он говорил, мелкую и несерьёзную царапину, и, едва услышав о наборе добровольцев, тотчас вызвался сходить в рейд в чужой кластер. Как и следовало ожидать, Степан присоединился к своему товарищу, в результате чего состав моей группы пополнился ещё одним автоматчиком.

Как и в прошлый раз, справа от меня расположился капитан Барулин, готовый в любой момент скосить очередями из ПКМа всё, что попадётся нам прямо по курсу. Кутейкин и Иванов сидели сзади, по моему приказу «держа» левый и правый секторы обстрела. Идущий позади джипа «амтрэк» был готов поддержать нас из крупнокалиберного пулемёта, или из автоматического гранатомёта, либо и из того, и из другого, если потребуется. К счастью, за всё время пути до Борисовки ни нам, ни Вольфгангу не пришлось тратить боеприпасы на здешнюю фауну.

При въезде в анклав мы вышли на связь с сержантом Джеком Мортенсоном, предупредив «солдат удачи» о своём скором прибытии. В ответ сержант сообщил, что уже давно ждёт нас у крайнего дома деревни, там, где живёт миссис Рогозина, и попросил поторопиться. Пришлось прибавить газу, мысленно вознося молитвы трём богам автомобилестроения: Вильгельму Майбаху, Карлу Бенцу и Готлибу Даймлеру, чтобы те помогли моему многострадальному джипу окончательно не доломать ходовую на какой-нибудь родимой российской колдобине.

У дома «миссис Рогозиной» стояла пара «сарацинов», выкрашенных в замысловатый и многоцветный тропический камуфляж, и хорошо знакомый нам по прошлому рейду в эти края «камаз». Мы остановились рядом с «бронёй» союзников и сразу же угодили в объятия наших старых знакомых – семьи Третьяковых, Сашки, водителя самосвала, и самой Авдотьи Степановны. Быстро выяснилось, что Сашка и Третьяковы приехали в Борисовку, воспользовавшись перегруппировкой сил наёмников, чтобы, как говорится, провести разведку прямо на местности.

«Дикие гуси», кстати, с интересом наблюдали за нашим общением с соотечественниками, и, как мне показалось, были поражены той теплотой, с которой к нам относились хозяйка дома и её гости.

Лица большинства наёмников заметно погрузтели, словно этих обвешанных с ног до головы оружием тёртых вояк взяли и обделили любовью и добротой. Аналогичное выражение лиц оказались и у отца и сына Нидеррайтеров, и у четвёрки парней Стрелкова, которые совершенно не ожидали подобного отношения к себе со стороны совершенно незнакомых им людей.

Выждав небольшую паузу, Мортенсон прервал нашу беседу с соотечественниками, тактично заметив, что солнце уже высоко, и пора бы русским товарищам заняться делом. После этого Джек представил нам капрала Терри Виллемса, назначенного ван Клейстом сопровождать нас в развед рейд. Здесь неожиданно выяснилось, что капрал, тощий и жилистый молодчик неопределённого возраста, придерживался мнения, что это нас назначили сопровождать его и его пятерых бойцов. Причём исключительно по причине нехватки в отряде сержанта Мортенсона личного состава и техники для проведения данной операции.

Услыхав такое, я слегка обалдел, после чего заявил наёмникам, что командовать должен старший по званию, и это не обсуждается. Хмыкнув, Виллемс с любопытством оглядел меня своими бесцветными глазами и высказал идею, что вообще-то руководить экспедицией должен очень хороший следопыт. Если русский майор и его люди сумеют отыскать в чужом лесу следы шин четырёх-пятидневной давности, с учётом того, что здесь каждую ночь льёт дождь, то он, Терри Виллемс, и его люди не возражают иметь над собой такого начальника. В этот момент в разговор неожиданно вмешался Степан, на очень плохом английском информировав, что мы принимаем вызов дерзкого капрала.

– Стёпа, притормози, не нужно лезть вперёд батьки в пекло, – Виктор тотчас одёрнул своего, обыкновенно молчаливого товарища. – Мы в таком лесу вообще в первый раз.

– Успокойся, Витя, ты же знаешь, что я из-под Вологды, и всё детство и юность провёл у своего деда-лесника, – повернувшись ко мне, улыбнулся парень. – Если, конечно, товарищ майор не возражает?

– Нет, Степан, тебе все карты в руки, – мне очень не хотелось проигрывать нагло ухмыляющемуся и уверенному в себе голландцу. – Пётр, Сева, переседайте в амфибию, а ты, Витя, поедешь со мной. По коням, мужики.

– Похоже, путешествие обещает стать дико интересным, – подмигнул мне Александр, устраиваясь поудобнее. – Народ, а мы не перегнём палку?

– Успокойся, Сань, даже если проиграем, Мортенсон больше не будет задирать нос, – отозвался я, выворачивая на просёлочек. – А если нам повезёт, и Степан не оплошает, то утрём нос ещё и Виллемсу. Верно я говорю, Стёпа?

– Не переживайте, товарищ майор, не оплошаю, – заверил меня наш самоназначенный рейнджер и следопыт. – Нефиг этому чёртову натовцу выпендриваться перед русскими.

– Можно просто Владимир, без «товарища майора», – уточнил я. – А наши союзники вовсе не натовцы, а обыкновенные...

– ...Головорезы и бандюганы, во имя дружбы народов толерантно именуемые «солдатами удачи». Извини, Володя, не удержался, – со смехом перебил меня Барулин. – Так уж получилось, Степан Батькович, что у нас здесь и немцы в союзниках, и пшеки с мадьярами, и даже самые натуральные пиндосы. Ну, да ты и сам видел Коллинза с его эскулапами.

– Сань, ты лучше за кустами следи, подъезжаем уже, – велел я своему товарищу. – А политпросвещением Стёпы займёшься по приезду домой.

– Яволь, герр майор, держу кусты на прицеле. Леозавр – выходи, – в тон мне отозвался Александр. – Ладно, пошутили и хватит.

Свернув с просёлка, «мерс» запрыгал по кочкам, сминая бампером высокий прошлогодний сухостой. Следом за нами повернули «сарацин» и «амтрэк», перемалывая колёсами и гусеницами и прошлогодний сухостой, и низенький кустарник. Прокатившись сотни полторы метров по зарастающему полю, амфибия и БТР легко пересекли границу двух миров, а мне пришлось немного повозиться, чтобы не сесть днищем. К счастью, побывавшие здесь раньше нас незнакомцы превратили обрыв в крутой спуск, и нам не пришлось прибегать к помощи шанцевого инструмента.

– Ну, давай, Степан – твой выход, – проехав с полкилометра по едва заметным отпечаткам шин, в конце концов мы всё-таки потеряли следы колёс чужого джипа. – Так, Виктор, а ты садись за руль.

– Володя, ты что, с дуба рухнул? – в голосе Александра отчётливо звучали нотки страха. – Нахрена сам лезешь?

– Виллемс бросил вызов мне лично, а не ему, – кивнул я в сторону нашего следопыта, который уже покинул машину. – Он взял и с ходу вписался, не спрашивая, значит, наш с ним риск пойдёт пополам. А ты сиди, Саша, смотри в оба, я на тебя ой как надеюсь.

Подойдя к «амтрэку», я поменялся оружием со слегка обалдевшим лейтенантом Григорьевым, забрав у того наш второй ПКМ, после чего с пулемётом в руках возвратился обратно к Степану. Наш рейнджер что-то сосредоточенно рассматривал, потом неожиданно прилёг на землю, в прямом смысле этого слова приняв к почве. Спустя пару-тройку секунд парень поднялся, взял автомат наизготовку и совершенно неожиданно улыбнулся.

– Владимир, идите рядом, в трёх шагах от меня, – полушёпотом произнёс Степан. – Я со здешним зверьём не знаком, если что, подскажите, чтобы не шуметь без толку.

– Договорились. Так, первое: ни по каким ящерицам не стреляй – они лишь на вид грозные, но до сих пор ни на кого не нападали, – прошептал я в ответ. – Второе: если на нас прыгнет какая-нибудь тварь – падай и не геройствуй. Сашка своё дело знает, да и остальные не оплошают. Всё вроде. Пошли...

Медленно, можно сказать, крадучись, мы двинулись по пугающему полумраку чужого леса, поминутно останавливаясь и оглядываясь по сторонам. Учитывая, что следом за нами катила целая колонна тарахтящих движками машин, нам сразу же пришлось ориентироваться в основном на собственное зрение, а не слух. Впрочем, нет худа без добра – спустя буквально пару минут «амтрэк» и «сарацин» разошлись веером по сторонам, прикрыв нас, пешеходов, сразу с обоих флангов. Мой собственный джип ехал следом практически в пяти шагах, в результате чего возникало невольное ощущение, что Барулин с Виктором поставили себе задачу постоянно подпихивать нас вперёд.

Пройдя и проехав в таком порядке где-то около полукилометра, мы обратили внимание, что следы чужаков, похоже, стали забираться влево. Подумав над этим и сверившись с нашей самодельной картой, Степан высказал предположение, что севернее, в направлении реки, может простираться практически непроходимая чащоба. Поэтому незнакомцы стали инстинктивно отклоняться на юг, где, как им казалось, огромные деревья росли немного пореже.

Действительно, как выяснилось намного позднее, Степан оказался стопроцентно прав – берег Амазонки и его окрестности были совершенно непроходимы как для любой техники, так и для человека. Сразу же от уреза воды на несколько километров вглубь суши тянулись непролазные заросли, завалы и буераки, где обитали столь опасные твари, по сравнению с которыми двухметровые зелёные вараны выглядели милыми домашними питомцами.

Ещё через несколько сотен метров почва чужого леса стала постепенно меняться, становясь вязкой, похожей на глинистую грязь где-нибудь в российском захолустье. Едва заметные отпечатки протекторов превратились в две хорошо видимые, вдавленные в землю борозды, которые не успели размывать ночные дожди. И, хотя эти борозды иногда продолжали петлять между деревьями, у нас отпала необходимость продолжать опасное пешее путешествие с ежесекундным риском для жизни. Недолго думая, мы со Степаном сели в «мерс» и покатали дальше, постепенно отходя от затянувшегося адреналинового выброса.

– Владимир, что-то я не заметил трёхметровых ящериц, про которых ты нам рассказывал, – отдышавшись и попив водички, заметил наш следопыт. – По деревьям бегали какие-то, но они мелковаты, не больше полуметра в длину.

– Да я сам в шоке, не ожидал от зелёных варанов подобной подляны, – крутанув руль, засмеялся я. – А если честно, то, может, оно и к лучшему, что здесь нет крупных ящериц.

– Будем надеяться, что здесь нет и тех, кто жрёт этих тварей, – поведя стволом пулемёта, буркнул Александр. – Нашёл, блин, Володя, о чём жалеть.

Проехав чуть больше тринадцати километров, если верить спидометру, на границе пересечения двух миров мы упёрлись в самый натуральный обрыв. У меня даже возникло ощущение, что мы очутились в песчаном карьере, неведь каким образом перенесённом в чужой мир, так как подобный перепад высоты между двумя ландшафтами встретился нам

здесь впервые. До этого момента перепад высоты колебался от полуметра до двух, а здесь над нами возвышалась целая гора, словно пятиэтажка, высотой более десятка метров.

– Они поехали направо, – изучив отпечатки колёс и следы обуви чужаков, произнёс Виллемс. Вольфганг быстро перевёл сказанное наёмником. – Господин майор, я и мои люди признают ваше право отдавать приказание.

– Хорошо, капрал, ваш броневик пойдёт головным, а я поеду замыкающим, – я принял капитуляцию Терри как само собой разумеющееся.

– Владимир Иванович! Вас ван Клейст вызывает, срочно! – высунулся из «амтрэка» Костя Григорьев. – Вас и Виллемса!

Внеплановые сеансы связи частенько приносят крайне неприятные сюрпризы, да ещё и приводят к далеко идущим последствиям. Поэтому я заранее настроился на самое худшее, вплоть до нападения на Данилово выкидыша больной фантазии потомков самураев, позеленевшего сумоиста-мутанта с погонялом Годзилла или ещё какой-нибудь фэнтезийной шмакодавки.

Действительность оказалась намного банальнее: совершив обходной маневр по чужому лесу, негритосы обстреляли венгерский анклав из гранатомётов и стрелкового оружия, среди наёмников имелось двое погибших, а у мадьяр было ранено шесть гражданских лиц. «Солдаты удачи» засекли одну из снайперских позиций противника, а затем накрыли её огнём из танковых орудий, заставив врага отойти вглубь чужого леса.

В связи с первыми безвозвратными потерями его отряда бельгиец в срочном порядке перебрасывал в Тордаташ взвод сержанта Маккоя, некоторое количество боевой техники, плюс нескольких польских добровольцев, изъявивших желание проявить свою молодецкую удаль в борьбе с чернокожими супостатами. В результате в Данилово оставался лишь расчёт «вулкана» из трёх человек вместе с самой установкой, пилоты-французы да полдюжины американских морпехов-медиков, которых, впрочем, тоже с нетерпением ожидали в венгерском кластере. Оборона русского посёлка, как и всего анклава целиком, полностью ложилась на плечи ополченцев Георгия и вновь прибывших бойцов Стрелкова.

Более того, Жерар был вынужден попросить Никитина передать «диким гусям» те два БТРа, которые Глейман всучил даниловцам в обмен на «витязя». Ван Клейст клятвенно обещал возвратить обе «семидесятки» либо заменить их точно такими же, пригнанными с базы наёмников. Я сразу же догадался, что таким образом бельгиец пытается сэкономить ресурсы и время, чтобы не гонять тягач туда и обратно, и предложил Жерару забрать наш трофейный миномёт. Пусть уж лучше он в умелых руках «солдат удачи» защищает баб и детей в Тордаташе, чем будет стоять без толку во дворе еремеевского особняка.

Сообщив новости и согласовав материально-техническое взаимодействие, ван Клейст изменил и нашу боевую задачу. Теперь нам следовало, в случае обнаружения противника, провести разведку боем и попытаться закрепиться в анклав, чтобы отодвинуть линию противостояния с неграми как можно дальше от наших кластеров. Если же мы не обнаружим противника, то после проведения разведки местности должны немедленно приступить к созданию опорного пункта. Бельгиец пообещал, что как только позволит обстановка, к нам подойдёт подкрепление из состава сил мобильной группы «Восток», и попросил продержаться хотя бы пару-тройку дней.

– Да, дела, – протянул капитан Барулин, оглядев нахмуренные лица людей разных национальностей. – Дайте кто-нибудь закурить, пожалуйста.

– Сигареты, Саша, придётся экономить, поэтому потерпи, сколько сможешь, – посоветовал я товарищу. – Давай, капрал, отберём, (цензура), эти холмы у негров, чтоб им пусто было.

А отбирать, как вскоре выяснилось, было и не у кого. Проехав метров восемьсот вдоль то понижающегося, то повышающегося обрыва, мы наткнулись на ложбину между холмами,

где когда-то протекал ручей. Протекал, кстати, недавно, в период, когда данная местность являлась частью ландшафта Земли-матушки, а не заброшенной чёрте куда частичкой земной поверхности. Угодив в чужой мир, ручей исчез, лишённый подпитки грунтовых вод, оставив в одиночестве ложбину с её пологими скатами, по которым смог бы проехать даже достаточно валкий грузовик.

Перепад высоты двух ландшафтов у русла ручья составлял сантиметров восемьдесят, чем и воспользовались ребята на чёрном джипе. Поэтому нам не составило особого труда пересечь границу двух миров и оказаться в весьма примечательной местности. Проехав по следам незнакомцев метров двести, мы оказались на просёлочной дороге, петлявшей по здешним холмам, а ещё через полкилометра повернули на хорошо укатанной грунтовке. Повсюду, насколько хватало взгляда, вперемешку с холмами были разбросаны рощицы деревьев и заросли кустарника, а по другую сторону грунтовки тянулось заросшее, несколько лет не обрабатываемое поле.

– Господин майор, чувствуете, пахнет гарью, – подойдя, принялся Виллемс. Нидеррайтер-старший тотчас принялся переводить речь капрала. – Судя по состоянию покрытия этой дороги, раньше здесь ездили довольно часто. Дорога плохо просматривается в оба конца, поэтому я предлагаю забраться на вон тот холм, чтобы осмотреть местность.

– Тоже мне открытие Пиндостана... Типичная грунтовка из российской глубинки, укатанная за полвека тысячами машин, – поморщась, пробурчал Александр. – А вот гарью, похоже, немного пахнет.

– Хорошо, Терри, так мы и поступим, – произнёс я, скорчив гримасу в ответ на реплику капитана. – Саша, пожалуйста, не заводишь.

Чтобы добраться до указанного холма, нам пришлось проехать около километра по грунтовой дороге, миновав подъём и спуск, после чего почти полчаса продираться через густой кустарник. Хорошо ещё, что у нас имелся гусеничный «амтрэк», проламывавшийся сквозь зелёнку, словно заправский бегемот. А вот мой джип спасовал перед столь простым препятствием, как заросли лозинника, и машину пришлось оставить на небольшой полянке.

Выбравшись из кустарника, оба бронетранспортёра поползли вверх по крутому склону и достигли некоего подобия террасы в полусотне метрах от плоской макушки холма. Отсюда открывался прекрасный вид на окрестности, на ту местность, что оказалась у нас за спиной, и на ту, что тянулась по левой стороне грунтовки. Осмотревшись по сторонам, мы сразу же углядели типично деревенский дом, хлев и сарай, спрятавшиеся за полоской леса метрах в трёхстах от нас. Судя по пустым оконным проёмам, отсутствию дверей, по состоянию крыши и стен, люди покинули этот дом достаточно давно, несколько лет назад.

Подумав, я решил, что не стоит раньше времени «светить» нашу технику и загонять БТРы на вершину холма. Вдруг в окрестностях находятся вражеские наблюдатели и ждут не дождутся, когда им дадут возможность пересчитать наши силы. Поэтому мы спешили, растянулись цепочкой, пригибаясь, добежали до макушки холма и тотчас залегли, доставая из разгрузок бинокли.

– А вот и пожарище, – произнёс кто-то справа от меня. – Свеженькое.

– Вон, глянь чуть в сторону – там ещё один сгоревший дом, – тотчас отозвался наш Константин Зоркий Глаз. – Да там, где огород с садом... Видишь, печная труба торчит? Это и есть сгоревший дом.

– Что будем делать, сэр? – плюхнувшись рядом со мной, поинтересовался Виллемс. – Это очень хорошая позиция, и нам следует выставить на холме пост наблюдения.

– Согласен, капрал, здесь классная позиция для наблюдателей, – кивнул я. – Однако мне больше нравится вон та высота, поросшая лесом. Думаю, до неё два-три километра, если по прямой.

– Я понял вашу задумку, сэр, – опуская электронный бинокль, произнёс Терри. – Тот, кто будет владеть той, более высокой горой – тот будет владеть и всем анклавом.

– Володя, давай для начала осмотрим оба пожарища, – внёс предложение Александр. – До них рукой подать, а до твоей высоты пилить и пилить.

– Так, капрал Виллемс, вы с вашими бойцами остаётесь здесь. Задача: вести скрытное наблюдение и прикрыть нас, если мы будем вынуждены отходить, – прикинув то да сё, я решил, что для начала нам следует позаботиться о тылах. – Задача ясна? Вопросы?

– Всё ясно, господин майор, вопросов не имеется, – ответил наёмник. – Удачи вам, сэр.

К сгоревшим домам можно было подъехать как по грунтовке, свернув на ведущую в их сторону дорожку, так и подойти на своих двоих, спустившись с холма и прошагав три сотни метров по свежевспаханному полю. Мы выбрали первый вариант и, оставив на высотке гарнизон из «солдат удачи», вернулись по собственным же следам обратно, к грунтовой дороге.

Десять минут спустя мой «мерс» остановился в тридцати шагах от закопченной кирпичной стены, рядом с остовом сгоревшего внедорожника, который опознали как джип «паджеро». Ветер сразу же донёс до нас хорошо знакомый по прошлой жизни запах жареного человеческого мяса, частенько встречавший оперов на подобных пожарищах.

– Тут ни хрена не уцелело, кроме самих стен, – заглянув в оконный проём, произнёс лейтенант Григорьев. – Трупов не видать, сплошная мешанина из головешек.

– Здесь они, на заднем дворе, – из-за угла дома появился Виктор, прижимая к носу платок. – Сожгли их там, у сарая.

– Их сначала застрелили, а потом сожгли, – уточнив важную деталь, капитан Барулин нагнул, поднимая блеснувшую на земле гильзу, понюхал её. – Девять миллиметров, «люгеровская», стреляли несколько дней назад.

– Хорошо, заканчиваем осмотр и едем ко второму дому, – оглянувшись по сторонам, решил я. Пятерых погибших здесь людей уже не воскресишь, хлев и сарай убийцы почему-то не подожгли, ограничившись истреблением кур и хрюшек, о чём свидетельствовали витавшие тут и там птичьи перья и валявшаяся поодаль отрубленная свиная голова. – Этих похороним потом, они уже никуда не убегут.

– С той стороны сарая есть следы от другой машины, грузовик, кажется, – подойдя, произнёс Степан. – Я думаю, что убийцы сожгли дом, свой джип и людей потому, что у них сломалась машина. Ну, чтобы замести следы.

– Возможно. Приехали, потребовали грузовик, местные пошли в отказ, их постреляли, а потом и сожгли. Ну, заодно и собственный «паджеро», если он стал им ненужным, – согласился я со слепою на ходу версией нашего следопыта. – Ладно, глянем, что там со вторым пожаром.

Как и ожидалось, второй дом сгорел дотла, вместе с хлевом и двумя сараями. У нас возникло подозрение, что поджигатели уничтожили дом вместе с его хозяевами, но одно подозрение, без материальных доказательств, как известно, к делу не пришьёшь. Побродив вокруг пепелища минут десять, мы не нашли там ничего такого, что могло бы пролить свет на судьбу хозяев дома, и вскоре возвратились обратно на грунтовую дорогу. Вышли на связь с Виллемсом, сообщили наёмникам о результатах осмотра пожарищ и покатили по грунтовке в сторону новой цели – поросшего лесом холма.

Дорога петляла, закладывая виражи, подъёмы чередовались со спусками, и километра через четыре мы оказались у подножья высоты, господствовавшей над окружающей местностью. Грунтовка огибала высоту с трёх сторон, уходя в северо-западном направлении, и перед восхождением на местный «Монблан» я решил узнать, где же она заканчивается. Проехав и пропетляв ещё километра полтора, я едва успел затормозить, чтобы не спикировать с десятиметрового обрыва. Дорога, проходившая здесь между двух холмов, резко обрывалась на подъёме, словно её, как и остальную местность, взяли и отрезали гигантским ножом.

– Командир! Внизу вдребезги разбитая «тачила», – подойдя к самому краю обрыва, Виктор заглянул вниз. – Марку отсюда не определить – машина упала на крышу, а потом полностью сгорела.

– Да, не повезло кому-то, – глянув на обломки, произнёс Александр. – Рухнула вниз, прямо как та фура на шоссе.

– Угу, прыжок с обрыва навстречу смерти. Спускаться вниз нет никакого смысла – чудес не бывает, – вздохнул я. – Так, парни, давайте пройдемся влево и вправо, вдоль обрыва, уж больно тут интересная картинка вырисовывается...

Разбившись на четвёрки, мы прогулялись вдоль границы двух миров, метров на пять-сот в каждую сторону, везде видя одну и ту же картину – земной ландшафт возвышался над чужим лесом где на пять, где на десять, где на пятнадцать метров. Сразу же возникло желание взять и немедленно проверить весь периметр данного кластера, чтобы убедиться в том, что сие – не случайность, а закономерность. Увы, в тот момент мы не имели ни сил, ни средств, ни времени, чтобы совершить столь длительную пешую прогулку по вновь открытому анклаву.

Возвратясь к подножью поросшего лесом холма, мы оставили технику под присмотром наших немецких товарищей и пошагали покорять здешний «Монблан». Шли не торопясь, присматриваясь к окружающему нас редколесью, состоявшему из сосен и елей, с небольшим вкраплением лиственных деревьев.

Минут через двадцать наша небольшая группа достигла вершины, где обнаружили остатки какой-то древней стены, сложенной из камней и валунов. Развалины нас не впечатлили, так как на Земле имелись «стоунхенджи» и покруче, не говоря уже об офигительных пирамидах в Мексике и Египте. А вот вид с вершины холма завораживал, несмотря на помехи в виде сосен и елей.

– Ничего себе, да это же разбившийся самолёт! – осматривая в бинокль линию горизонта, неожиданно воскликнул Всеволод Кутейкин. – Командир, в юго-восточном направлении, километра полтора по прямой – обломки авиалайнера. Ориентир – сосна с раздвоенной вершиной.

Взоры восьми человек сразу же обратились в указанном направлении, и мы увидели серебристые обломки, разбросанные по нераспаханному полю. Чуть в стороне от основной массы покорёженного алюминия валялось хвостовое оперение самолёта, вероятно, отвалившееся при столкновении авиалайнера с деревьями. Фюзеляж, похоже, не выдержал удара о землю и полностью развалился на крупные и мелкие обломки.

– Надо ехать, – кашлянув, негромко произнёс Барулин. – А как туда добраться? Напрямик, похоже, не выйдет.

– Угу, если ехать напрямик, то только на танке, – заметил Кутейкин. – Я не уверен, что амеровская амфибия проломится через густой осинник.

– Ты прав, Сева, на нашем трофее через осинник не получится, – согласился капитан. – Давай-ка, Володя, поищем подъезды с других сторон.

– Хорошо. Спустимся вниз, вызовем на подмогу Терри с его броневином и попробуем подобраться к обломкам, – решил я, пряча бинокль в разгрузку.

Вопреки ожиданиям, мы относительно быстро нашли подъезд к полю, где потерпела крушение «стальная птица». Проехались по грунтовке в обратном направлении, и, не доезжая до второго сожжённого дома, обнаружили полужаренную дорожку, ведущую куда-то в лес. Виллемс вызвался проверить, куда ведёт эта дорожка, и через четверть часа доложил, что «сарацин» подъехал к берёзовой роще, к противоположному краю которой примыкало поле с обломками.

Мы сразу же двинулись вслед за наёмниками и спустя какое-то время оказались на месте авиакатастрофы, над которым витала целая смесь различных «ароматов», обычно

сопутствующих подобным трагедиям. Здесь неожиданно выяснилось, что мы оказались не первыми, кто добрался до обломков авиалайнера. Точнее, не до самих обломков, а до тел погибших.

Побродив по опушке леса и полю и изучив траекторию падения самолёта, мы попытались восстановить примерную картину крушения. По всему получалось, что, потеряв при падении хвост, авиалайнер зацепил крылом землю, после чего фюзеляж закувыркался по полю, разваливаясь на куски. По какой-то причине объёмной детонации топлива не произошло, возникло лишь несколько локальных пожаров, закоптивших некоторые обломки. Впрочем, сочетания скорости и инерции с лихвой хватило, чтобы убить всех, кто оказался на борту.

Проходя мимо обломка крыла, лежавшего чуть в стороне, капитан Барулин обратил внимание на наличие в плоскости строчки относительно небольших отверстий. Подозвав нас, Александр показал свою находку, добавив, что столь характерные пробоины от пуль сложно перепутать со следами иного механического воздействия. Не сложно было догадаться, что самолёт навернулся не случайно, а был сбит огнём с земли.

А вот дальше и начиналось самое интересное – кто-то постарался извлечь из-под обломков большую часть тел погибших и уложить их в сторонке двумя рядами. Мы насчитали более семи десятков трупов, до которых почему-то до сих пор не добрались падальщики. Впрочем, если учесть, что всё вокруг пропахло авиационным керосином и прочей химией, а в кластер, похоже, ещё не забредали даже вездесущие динокуры... Это могло объяснить, почему никто до сих пор не позарился на бесхозную мертвечину, но не отвечало на вопрос, кто же разложил тела погибших двумя рядами.

– Голландский «боинг», судя по билетам его пассажиров, летел из Москвы в Амстердам, – разобравшись с национальной принадлежностью разбившегося самолёта, мы вышли на связь с ван Клейстом. – Повреждён и, видимо, сбит огнём из крупнокалиберного пулемёта... Погибли все – и экипаж, и пассажиры.

Выслушав наш доклад, бельгиец попросил пошуровать в обломках и поискать уцелевшие электронные приборы, оборудование да и вообще любые ценные вещи. Кроме того, Жерар пообещал вместе с подкреплением прислать экскаватор, чтобы похоронить погибших в одной братской могиле. Забегая вперёд, скажу, что бельгиец сдержал своё обещание, и нам не пришлось заниматься кладбищенскими работами.

Насобирав на скорую руку несколько десятков ноутбуков, планшетов, фотоаппаратов и прочих электронных девайсов, плюс более сотни мобильных телефонов, мы покинули место крушения авиалайнера. Солнце клонилось к закату, и нам следовало подумать о предстоящем ночлеге, точнее, о месте базирования в данном анклав. Можно было, конечно, заночевать и в машинах, в тесноте боевого отделения «амтрэка», например, в салоне джипа, но лично мне не хотелось на следующее утро чувствовать себя полной развалиной. Время позволяло нам до наступления темноты ещё раз изучить местность, проехаться по выходящим на грунтовку полузаросшим просёлкам, заглянуть в дальние уголки вновь открытого кластера.

Первым делом следовало побывать там, где начиналась грунтовая дорога, которая, петляя, тянулась практически через весь анклав. Поэтому мы покатили к тому самому месту, где пересекли границу двух миров, миновали поворот с просёлка, ведущего от лощины, и где-то через полкилометра остановились у очередного обрыва. Этот обрыв, как и предыдущий, возвышался над ландшафтом чужого мира на добрый десяток метров, позволяя любоваться реликтовым лесом, находясь на одном уровне с нижними ветвями огромных деревьев. Но, как и в прошлый раз, наиболее интересное поджидало нас не на верху, а внизу, на крутом склоне обрыва.

– «Вересовка», и написано латиницей, а не кириллицей, – вслух перечитав надпись на рухнувшем вниз указателе, Александр в задумчивости потёр лоб. – «Вересовка» перечёркнуто, значит, сам населённый пункт остался за чертой, на Земле. Название русское, а надпись латиницей... У кого какие мысли на этот счёт?

– Молдавия, Прибалтика, что ещё? – с ходу предположил Всеволод. – Других вариантов нема.

– Млин, куда ни ступи, загадки на каждом шагу, – оглядевшись по сторонам, произнёс я. – Что это нам даёт? А по сути – ничего. Поехали, парни, лучше, поищем место, где можно будет нормально заночевать.

– Я предлагаю разбить лагерь на первом холме, там очень хороший обзор практически во все стороны, – высказал своё мнение Виллемс. – Надеюсь, никто не боится соседства с мёртвыми?

– Бояться надо не мёртвых, бояться надо живых, – тотчас отозвался Барулин. – Давайте сначала глянем уцелевший, заброшенный домик, затем прокатимся до третьей высоты, оглядимся и уже потом будем определяться. Время есть.

– Хорошо, так и сделаем, – кивнул я, глянув на часы, затем на здешнее светило. – У нас есть ещё часа три, пока не сядет солнце, и если ничего путного не найдём, то заночуем на первом холме.

Быстро обнаружив очередную ползаросшую дорожку, ведущую к заброшенному дому, мы потратили минут двадцать на осмотр строений. Быстро выяснилось, что бревенчатый дом достаточно ветхий, с прогнившими полами, протекающей крышей, развалившейся кирпичной печью. Аналогичным оказалось и состояние хозяйственных построек, к примеру, сарай вообще держался на честном слове, готовый рухнуть в любой момент. Изучив заброшенное подворье, мы не обнаружили ничего такого, что бы могло пролить свет на территориальную принадлежность данной местности. Дом был оставлен его обитателями много лет назад, и, судя по всему, постепенно разграблялся мародёрами, которые унесли всё, что вообще было возможно.

Поднявшись на холм с плоской вершиной во второй раз, мы принялись изучать в бинокли подходы к соседнему, который являлся третьим по высоте во всём кластере. Хотя по прямой до него было чуть более километра, быстро выяснилось, что этот километр непреодолим как для нашей техники, так и для нас самих. Оказалось, что кроме небольшой берёзовой рощицы холмы разделяет солидная канава глубиной метра в три и шириной в пять, густо заросшая деревьями. Теоретически у нас имелась возможность срубить пару-тройку осин и перебраться на ту сторону, не замочив ноги, но в этом случае мы бы оказались без прикрытия хиленькой, но «брони». Поэтому мы решили не спешить махать топорами, а для начала поискать иной маршрут к выбранной цели.

Разделившись на три группы и оставив «сарацин» с группой Виллемса в качестве наблюдателей на холме «номер раз», мы помотались по округе, проверяя каждый просёлок, ведущий в сторону от грунтовки. Спустя примерно минут сорок Вольфганг сообщил, что экипаж «амтрэка», кажется, нашёл путь к высоте, и ещё нас ждёт весьма приятный сюрприз. Судя по весёлому тону немца, парни действительно нашли нечто стоящее, и я поинтересовался, куда забрались наши товарищи и как туда добраться.

Ещё спустя полчаса я остановил свой верный джип во дворе ещё одного, покинутого хозяевами дома, который примыкал к противоположному склону холма «номер три». Нас встретил Нидеррайтер-старший с красивой рыжей кошкой на руках, мурлыкающей и доверчиво прижимавшейся к груди бывшего офицера «штази». С крыши сарая нас с подозрением рассматривал другой представитель семейства кошачьих, большой, полосатый, зеленоглазый котяра.

– Если бы не это милое создание, мы бы ни за что не поехали через поле и не нашли бы сюда дорогу, – почёсывая кошке под подбородком и за ушком, с улыбкой рассказал немец. – Не шучу: она в прямом смысле привела нас сюда, мяукала, словно звала, оглядываясь, когда бежала, проверяя, едем ли мы за нею.

– Людей не боится, видимо, домашняя, – предположил я, легонько погладив мурлыкающую кошатину. – А там, наверху, на сарае, её кавалер, что ли?

– Наверное. Как только увидел нас, сразу же запрыгнул на берёзу, а оттуда перебрался на сарай, – посадив кошку на капот «мерса», ответил Вольфганг. – Сейчас покормлю, моя хорошая, подожди, Гельмут откроет консервы.

– Володя, представляешь, в этой хате уцелели внешние окна, – пока я беседовал с Нидеррайтером-старшим, Александр заскочил в дом и бегло осмотрелся внутри. – Три комнаты, полы не прогнили, печка на месте, мебели нет вообще.

– Зато мыши в наличии, – выйдя на крыльцо, заметил Кутейкин. – На окна никто не позарился потому, что все стёкла в трещинах, рамы старые, подгнившие, того и гляди, развалятся, если их вынимать.

– А как крыша, течёт или нет? – оглядывая хлев и сарай, деловито осведомился Виктор.

– Сейчас спросим Петра, что там с крышей, он на чердак полез, – подмигнул нам Всеволод. – Иванов! На чердаке как, сухо?

– Нормально тут, шифер на месте, – послышался приглушённый голос сержанта-полицейского. – Ловите макулатуру!

Послышались звуки падения чего-то не особо тяжёлого, затем громкое чихание и поминание нечистой силы. В дверях появился лейтенант Григорьев, таща в руках пару связок пожелтевших от времени старых газет. От макулатуры явственно пахло ветхостью и мышами, и Константин вновь оглушительно чихнул, роняя одну из связок на землю. Подгнившая верёвочка не выдержала подобного испытания, и газеты рассыпались у наших ног.

– «Правда», тысяча девятьсот восемьдесят пятый год, – подобрав первое же попавшееся печатное издание, продекламировал Барулин. – Ага, а вот и «Известия»...

– Здесь пусто, дров нема, а в хлеву расплодились мыши, – выйдя из ворот сарая, доложил Степан. – Виктор, пошли, глянем баньку и дальний сарай.

– Саня, бросай эту фигню, возьми джип и привезите с Костей дров от сгоревшего дома, – приказал я. – Вольфганг, скажи сыну, пусть заводит движок – скатаемся на холм, переговорим с Терри, осмотримся по сторонам.

С высоты «номер три», как мы в дальнейшем стали её величать, открывался отличный вид на окрестности, в основном на ландшафт чужого мира. Кроме того, с этого холма прекрасно контролировались подходы к найденному нами дому, и даже просматривалась лощина, по которой мы приехали в кластер. А вот тянувшаяся через весь анклав грунтовая дорога постоянно исчезала из виду, прячась то за перелесками, то за другими холмами. Чтобы контролировать грунтовку, следовало «оседлать» холм «номер один», а ещё лучше иметь сильные гарнизоны на всех трёх господствующих высотах данного кластера.

– Владимир, взгляни вон туда, – неожиданно потянул меня за рукав Нидеррайтер-старший. – Прямо на север, ориентир – русская баня.

– Ну, вижу, – покрутив окуляры бинокля, я разглядел какой-то непонятный карьер, что ли. – Только не пойму, что там за хрень такая.

– Думаю, это спущенное озеро или большой пруд, – высказал предположение немец. – Катаклизм расщёк водоём на две части, вся вода, которая оказалась по эту сторону, вылилась в чужой лес, словно из тазика.

– Наверное, так оно и есть, – задумался я. – Надо проверить. Там где есть озеро, может быть и рыба.

– А ещё могут быть местные хищники, – подходя, произнёс Кутейкин. – Но ты, командир, прав – надо проверить.

Быстро выяснилось, что к спущенному водоёму невозможно подъехать даже на нашей амфибии, ибо «амтрэк» не имел шансов проломиться через густой березняк, начинавшийся примерно в полукилометре от дома. Поэтому нам пришлось подождать, пока до нас доберутся парни капрала Виллемса, а затем уже продолжить поход на своих двоих.

Шли осторожно, присматриваясь к незнакомой местности, в готовности открыть огонь в любой момент. Я сразу же обратил внимание, что наёмники отлично ориентируются в «нашем» лесу, можно сказать, чувствуют себя в нем, как дома. Видимо, у «солдат удачи» имелся солидный опыт походов по африканским джунглям и прочим экзотическим сельвам.

Пройдя что-то около километра, мы неожиданно вышли на берег длинного озера, протянувшегося с юга на север на семь сотен метров. Вероятно, в покинутом нами мире водоём имел куда большую длину, либо перед нами раскинулся бывший залив достаточно крупного озера. В любом случае мы не имели возможности установить изначальные размеры водоёма, да и не ставили перед собой подобной задачи.

– А это, надо думать, здешние «чайки» пожаловали, чтобы поживиться хлявной рыбёшкой, – опустив бинокль, Всеволод сочно охарактеризовал родословную местных пернатых с помощью богатого и могучего. – Зубки у них солидные...

– Это не местные «чайки», а какие-то другие летающие хищники, – уточнил я, едва взглянув на представителей пернатой фауны чужого мира. – У «чаек» другой раскрас, да и размеры поменьше. А это, похоже, что-то типа грифов, хищники-падальщики.

– Сейчас проверим, насколько они сообразительные, – улыбнулся Кутейкин, вскидывая американскую штурмовую винтовку с оптикой, взятую в бою с наркоторговцами. – Нефиг им жрать чужую рыбу...

К нашему удивлению, здешние «грифы» оказались достаточно тупыми созданиями, либо ранее попросту не сталкивались с очень коварным хищником с погонялом «человек цивилизованный». Сева выстрелил трижды, уложив троих пернатых, прежде чем их товарищи включили мозги и стали озиаться по сторонам. Лишь после гибели своего пятого сородича оставшиеся в живых загальдели, запрыгали по земле, хлопая крыльями совсем как земные грифы. Кутейкин не пожалел патронов и показал класс, словно заправский охотник, подстрелив на лету ещё парочку падальщиков. Каждый удачный выстрел Всеволода сопровождался одобрительными возгласами «диких гусей», сразу же оценившими навыки русского офицера в стрельбе на добрых четыре сотни метров.

– (Цензура), вязкое дно, – выругался Виктор, попытавшись прогуляться по дну осушенного озера к ближайшей яме, где всё ещё оставалась вода. – Глина, едрить её в качель.

– Не суйся дальше, иначе провалишься по самую задницу, – посоветовал товарищу Степан. – Надо пройти по берегу до вон той отмели и уже оттуда пробовать добраться до ямы с водой.

– Нет, сначала обследуем границу пересечения ландшафтов, а потом займёмся рыбалкой, – остановил я нашего следопыта. – Разделимся на две четвёрки, чтобы сэкономить время.

Честно говоря, я очень опасался, что дно спущенного водоёма окажется своеобразным плацдармом для вторжения в новооткрытый кластер всевозможных тварей из реликтового леса. Учитывая, что оставшийся у нас за спиной березняк лежал в низине, и, оценив навскидку максимальную глубину озера в пять-шесть метров, можно было предположить, что его дно окажется на одном уровне с поверхностью земли чужого мира. Ну, плюс-минус полметра, что не могло серьёзно воспрепятствовать проникновению даже относительно небольших древесных ящериц.

– Охренеть, – коротко выразил наше общее удивление Виктор, когда мы подошли к обрыву. – Сева, а «грифы»-то твои обожрались тут так, что им стало уже неземной рыбы.

Картина, открывшаяся нашему взору, действительно была достойна кисти художника, фантазирующего на темы фауны чужих миров. Как оказалось, дно земного водоёма возвышалось над местной поверхностью всего лишь на метр с небольшим, но именно это и стало смертельной ловушкой для полутора десятков динокур, решивших пробраться в кластер. Твари банально застряли в густой и вязкой глине, излившейся в их родной мир вместе с земной водой.

Динокуры барахтались, пока им хватало сил, пытаясь выбраться из ловушки, в результате чего привлекли внимание пернатых падальщиков, став их лёгкой добычей. Судя по всему, интеллекта «грифов» всё же хватило, чтобы не повторять ошибок ящеров и не соваться в ловушку. Хищники просто приземлялись на едва шевелящиеся тела своих жертв и пожирали ещё живую трепещущую плоть. Видимо, на халявный обед в виде стаи туповатых динокур слетелись пернатые падальщики со всей округи, затем, заморив голод, «грифы» перебрались дальше, чтобы продегустировать экзотические рыбные блюда.

Изучив уязвимое с точки зрения безопасности место пересечения двух миров, мы пришли к выводу, что глина постепенно подсыхает под палящим местным солнцем. Следовательно, спустя какое-то время в кластер запросто могут пожаловать незванные представители фауны чужого мира, с которыми людям лучше не сталкиваться. Поэтому мы сразу же, как говорится, не отходя от кассы, придумали, каким образом предотвратить проникновение наземных хищников через осушенное озеро. Было решено перекрыть уязвимые двести метров новообразованного оврага густым частоколом из заострённых кольев, в несколько рядов, с хитроумными ловушками, чтобы любая тварь отдала концы в процессе преодоления препятствий.

Во время осмотра остатков водоёма нам пришлось отказаться от идеи полакомиться ухой на ужин, так как никто не захотел раздеваться до «костюма Адама» и лезть в вязкую грязь, чтобы добраться до ямы с рыбой. Учитывая, что уцелевшая земная рыба являлась ценным продуктовым ресурсом, к заготовке рыбы следовало подготовиться самым основательным образом, вычерпав её всю, желательно до последнего малька. Дело в том, что поодаль от сгоревших домов нам повстречался небольшой сельский пруд в полсотни шагов в длину и двадцать в ширину, явно выкопанный с помощью экскаватора. Катаклизм почти никак не повлиял на этот небольшой водоём, и у нас имелся шанс сделать первый шаг по сохранению популяции земной рыбы в чужом мире.

Можно было, конечно, «забить» на «нашу» рыбу, переключившись на богатые дары чужого моря, тем более что у нас имелся настоящий траулер с полным комплектом сетей, но... следовало подумать и об альтернативе. Как показала жизнь, море в одночасье могло превратиться в источник огромных проблем и неприятностей, а мы могли оказаться отброшенными от побережья вглубь земель конфедерации. В этом случае наличие в нашем глубоком тылу самосохраняемых и легкодоступных пищевых ресурсов могло стать важным фактором для выживания землян в чужом мире. Поэтому, после возвращения в «кошачий дворец», как мы сразу же стали называть облюбованный нами дом, я вышел на связь с Данилово и переговорил с Никитиным на тему разведения рыбы в русских анклавах. Василий сразу же вник в ситуацию, мигом вспомнил, что в посёлке имеется пара-тройка искусственных водоёмов, в том числе в и усадьбе Еремеева, и пообещал что-нибудь придумать для перевозки живой рыбы.

Выполняя приказ ван Клейста, мы задержались во вновь открытом кластере почти на двое суток, пока не подошла спешно собранная бельгийцем бронегруппа. Получив время на изучение местности, на следующий день мы сделали неожиданное открытие: до нас в

анклаве побывали не только парни на позднее сгоревшем «паджеро», но и кое-кто более опасный, чем доморощенные российские душегубы.

Занимаясь поиском удобного подъезда для техники к спущенному озеру, Степан сначала обнаружил отпечатки армейской обуви, а затем отыскал и тропинку, по которой прошли несколько человек. Прошли за пару-тройку дней до нас, ступая почти шаг в шаг друг другу, что говорило и об их умении скрытно передвигаться и о намерении не афишировать своё появление в кластере.

Можно было предположить, что незнакомцы побывали и у обоих сгоревших домов, и на высотах «номер один» и «два», и на месте крушения авиалайнера. По ходу обсуждения данной мысли возникла версия, что именно парни в армейских ботинках разложили тела погибших пассажиров в два ряда, но... сразу же появился целый ряд вопросов без ответов. Зачем они это сделали, кто им помешал вытащить из-под обломков оставшиеся трупы, почему они даже не попытались похоронить погибших? В общем, вопросы и загадки так и повисли в воздухе, ибо для их разрешения у нас не хватало самого главного – фактов.

Учитывая, что среди нас имелись и люди с военным опытом, и офицер с высшим армейским образованием, было бы грешно не провести рекогносцировку местности. Пока мы, оперативники, морщили мозги в поисках ответов на загадки и непонятки и гоняли туда-сюда нашего незаменимого следопыта, Терри и Всеволод занимались более полезным делом – намечали места для возведения оборонительных сооружений, прикидывали сектора обстрела и т. п.

В результате к моменту подхода бронегруппы на руках у Кутейкина имелась грамотно составленная карта местности, с множеством значков, стрелочек, пометок и пояснений. Оставшаяся часть нашего отряда – те, кто не бегал по кустам со Степаном, не сидел в дозоре, и не умел подыскать наилучшее место для размещения огневой точки – занималась заготовкой древесины для сооружения двадцатиметровой гати, чтобы можно было добраться по вязкому дну спущенного озера до ямы с земной рыбой.

На третий день нашего пребывания в кластере, часов в восемь утра, мы получили сообщение, что из Борисовки вышла колонна, чтобы сменить половину нашего отряда. Спустя пару часов терпеливого ожидания послышался шум нескольких двигателей, среди деревьев-великанов замелькали серо-зелёные туши танков и грузовиков, катившие следом за измазанным грязью джипом.

Наконец, колонна завернула в ложбинку, два бронированных в полевых условиях трёхосных грузовика сразу же разъехались по сторонам, высаживая пехоту. Пехотинцы в однотипной камуфлированной форме тотчас шустро побежали вверх и вперёд по склонам ложбины, обеспечивая фланги колонны, мы невольно залюбовались столь слаженными действиями личного состава, едва не проворонив вызов по рации.

– «Антонов», «антонов», (цензура), это вы торчите в кустах на правом фланге? – захрипела знакомым голосом «моторола» в моей разгрузке. – Отвечайте, мать вашу, не то шамальнём ненароком!

– «Антонов» – «красному», не стреляйте, здесь все свои, – отозвался я под ухмылки Александра и Константина. – Чего ржёте? Классная позиция, чёрт возьми! Сева – молодчик, подобрал козырное местечко... Вон, вся ложбина как на ладони!

– Володя, какого хрена не отвечаешь? – подходя, ещё издали закричал Георгий. – Мы же могли пальнуть! Не могли нас на въезде встретить, что ли?

– Извини, брат, хотели на деле проверить позицию, которую нашёл Кутейкин, – улыбнулся я, глядя на нахмуренную физиономию здоровяка с пулемётом в руках. – Ну, не сердись, так надо было...

– Не ори, Жора, всё обошлось, – пожимая мне руку, усмехнулся Стрелков. – Если бы не ваша чёрная форма, то я бы и не заметил сквозь кусты... А где Всеволод?

– На высотке нас ждёт, думает, как превратить её в неприступный укрепрайон, – я махнул рукой в сторону холма «номер три». – А Виллемс с броневином вон, за берёзками, на просёлке торчит.

– Ага, вижу, – оглянувшись, Сергей Николаевич узрел в паре сотен метров от нас «сарацин» и несколько фигурок возле него. – А чего это вы его туда загнали?

– Чтобы провести колонну по просёлку и не оставлять лишних следов от техники здесь, на склонах ложбины, – взглянув собеседнику в глаза, ответил я. – Мы уже и грабельки приготовили, и веток нарезали...

– Что, всё так серьёзно? – лёгкая усмешка мгновенно слетела с лица Стрелкова. – Ты же по радио доложил, что у вас всё под контролем...

– Ага, доложил, и сейчас подтверждаю: всё под нашим контролем, – кивнул я. – Но, (цензура), в этом кластере столько непоняток, что лучше перебдеть, чем получить по кумполу.

– Хорошо, доложишь всё с подробностями, со всеми версиями и догадками, – безапелляционным командным тоном произнёс Сергей Николаевич, поворачиваясь к Георгию. – Жора, давай сворачивай фланги и поставь грузовики вслед за трактором, чтобы лишний раз не наследили где ни попадя.

– Николаич, а ты офигеть, как изменился: носишь амеровский камуфляж, командуешь налево-направо, энергия из тебя так и прёт, – ехидно заметил я. Майор в отставке неожиданно предстал перед нами не только в новой форме, но и в совершенно ином образе – в образе уверенного в себе, жёсткого офицера. Новенькое обмундирование и отличная разгрузка – надо будет разузнать, где он её раздобыл – идеально подходили по фигуре, добавив Сергею брутального армейского колорита. – Тебя, часом, какие-нибудь инопланетяне не подменили?

– Нет, Володя, не подменили, – отрицательно покачал головой Стрелков, доставая из кармана сложенный вчетверо листок. – Всё до банального просто – мы остались в Данилово, и Совет Конфедерации назначил меня командующим в этот анклав... Вот, читай.

– Евпатий-Коловратий, узнаю почерк Вышинского, – заглядывая мне через плечо, произнёс Барулин. – Родная бюрократия на марше... Во все времена, во всех мирах... Натуральный мандат, и даже с печатью.

– Но здесь не сказано, что мы попадаем в твоё подчинение, – пробежав глазами короткий текст, я вернул бумагу новоиспечённому командующему. – Никогда бы не подумал, что Жерар назначит кого-нибудь руководить своими собственными головорезами.

– Его обстановка заставила, – тяжело вздохнул Сергей Николаевич. – Пока вы тут занимались разведкой, группа сержанта Маллигана имела боестолкновение в джунглях и взяла «языка» – негритоса из «Боко Харам». В общем, ван Клейст с Никитиным мобилизуют всё и вся, чтобы не допустить повторной трагедии.

Едва Стрелков произнёс название одиозной исламистской организации, память мигом вернула меня на несколько дней назад, перед глазами, словно кадры кинохроники, пронеслись картинки недавнего прошлого: мы таскаем трупы детей и женщин, прочёсываем деревенские закоулки в поисках раненых. Победа над исламистами далась даниловцам слишком дорогой ценой, и появление в округе второго подобного врага автоматически означало угрозу смерти для всех и каждого, независимо от пола, возраста или национальности.

В ситуации, когда «боко харам» уже отметились сотнями жертв в Тордаташе, было бы глупо надеяться на возможность договориться с убийцами, прикрывающимися Кораном и зелёным знаменем своего Пророка. Нам предстояла война, война без правил, война до полного уничтожения одной из сторон.

– Численность противника установлена? – мгновенно подобрался я. – Вооружение? Потери?

– На момент катаклизма в их отряде было около ста человек, а сколько их осталось сейчас – пленный не знает. С боевиками перенеслось с полсотни похищенных африканских девочек, затем к ним добавилось несколько десятков пленных европейцев. Последних взяли при нападении на соседние кластеры, – с любопытством посмотрел на меня Стрелков. – Имеют на вооружении лёгкое и тяжёлое стрелковое оружие, гранатомёты, разъезжают на «джихадомобилях», грузовиках, трофейных машинах. За время активных действий потеряли с десятков своих убитыми, в том числе и от зубов здешних хищников, ещё несколько боевиков ранены.

– Млин, Николаич, давай дальше, не томи, – чувствуя, что собеседник не договаривает до конца, не выдержал я. – Вижу же, что ты знаешь больше, чем говоришь.

– Да ты, Володя, прямо как экстрасенс, – рассмеялся Сергей Николаевич. – Ладно, слушай. Первое: у врага проблемы с боеприпасами, ибо они не готовились к рейду по чужим мирам. Второе: «боко» действуют относительно небольшими отрядами, по полтора-два десятка рыл в каждом, и я считаю такое разделение сил большой ошибкой с их стороны.

– Что же, теперь ясно, кто побывал здесь до нас, – переглянувшись с Александром, произнёс я. – Пленный сказал, где они базируются?

– Километрах в пяти к северо-западу отсюда, в соседнем кластере, – с милой улыбкой на лице ответил Стрелков. – Провидение закинуло туда кусочек Африки с небольшой деревушкой. Прямо в момент проезда через неё отряда «боко харам» с похищенными девчонками.

Всё сразу же встало на свои места. Уяснив, с кем придётся иметь дело, ван Клейст сразу же озаботился выносом линии противостояния как можно ближе к противнику. Бельгиец пошёл на риск, изъяв из польского и немецкого анклавов оба Т-55, добавил к ним два бронированных в кустарных условиях американских армейских грузовика, пару «буффелей», собрал в кулак всю наличную пехоту, которую только смог найти. А командиром отряда назначил единственного имевшегося под рукой опытного офицера – русского майора в отставке, ветерана трёх войн, ибо количество своих собственных офицеров-наёмников было исчерпано. В самом деле, не назначать же командиром двух взводов какого-нибудь сержанта, особенно такого обормота, как Бертъе.

– Сергей Николаевич, а нафига самосвал пригнали? – неожиданно поинтересовался Барулин, отвлекая меня от размышлений. – Да ещё и с тентом вроде.

– Это не тент, а надувной бассейн с вашей базы, – засмеялся Стрелков. – Вы же Никитину по рации все уши прожужжали: рыба-рыба, живая рыба, вот ваш Николай и сообразил, как её вывезти.

– Кстати, как они там, с Михаилом? – воспользовавшись моментом, я перевёл разговор на другую тему.

– Капитан Ковалёв, слава богу, быстро выздоравливает, а господин Еремеев потребовал, чтобы Леониду, его охраннику, медики обеспечили наилучший уход, – покосился на меня отставной майор. – Я слышал, что Леонид спас Николая и ещё пару женщин, так?

– Ага, вытащил их всех из-под обломков, а потом прикрывал до подхода ополченцев, – тяжело вздохнул я. – Девка та, можно сказать, вообще во второй раз с того света выскочила.

– Мда, весело тут у вас было, – хмыкнул Стрелков и, помолчав, добавил: – Короче, твой «Ерёма» добился, чтобы Лёню и ту самую девушку перевезли в особняк, да ещё и представили к ним постоянную медсестру из числа беженцев из Белгорода.

– Еремеев ещё и не на такое способен... Так, мы на месте, – произнёс я, выходя из кустарника на поляну. – Ну, Николаич как тебе диспозиция?

– Грамотно. А почему вы не оседлали вон ту высоту? – оглядевшись, Стрелков сразу же обратил внимание на холм «номер раз».

– А потому, что она просматривается отовсюду, даже с самого дальнего холма, и рядом с нею по ночам бродят души сожжённых людей, – со злинкой в голосе ответил я. – Вот упокойте тела с помощью экскаватора, и милости просим – торчите на её вершине, как чирий на заднице, сколько пожелаете.

– Ну, ты и колючка, Володя, – Сергей Николаевич захохотал во всё горло, затем подмигнул мне. – Ладно, давай рассказывай, что и как тут у вас.

Меня не пришлось упрашивать дважды, и следующий час я посвятил вводу Стрелкова и его бойцов в курс дел по новому кластеру. Рассказывал во всех подробностях, расстелив на капоте своего «мерса» самодельную карту, отвечал на вопросы, разъяснял и объяснял до хрипоты. Особый упор сделал на то, что территория занятого нами анклава нагорьем возвышается над окружающим его чужим лесом, и в кластере есть всего лишь несколько мест, где техника может без усилий пересечь границу двух миров. Если взять под контроль указанные точки, то это превратит анклав в натуральную природную крепость, в которую будет сложно пробраться на машине или даже на танке.

Наконец, новый командир решил, что он достаточно ознакомился с обстановкой, и мы принялись грузиться в джип и «амтрэк». Мы, в данном случае, это я со своими парнями плюс старший лейтенант Кутейкин, чей военный опыт срочно потребовался в Данилово. Все остальные – группа Виллемса, Степан и Виктор с Петром – оставались под началом Сергея Николаевича, вливаясь в его отряд. Точнее, вливались в отделение Георгия, в котором было всего восемь человек, если считать и самого зятя Никитина. Теперь, с учётом пополнения, отделение Георгия состояло из четырёх даниловских мужиков и семерых вновь прибывших на борту СТК. Второе пехотное отделение состояло исключительно из «диких гусей», числом в дюжину душ, ещё вчера днём спешно переброшенных из Бялобжегов.

Планируя отъезд, мы рассчитывали забрать с собой полосатого кота и очаровательную рыжую кошку, но затем нам пришлось отказаться от этой идеи. Дело в том, что у кошки имелись маленькие котятки, спрятанные где-то в подвале дома, а мы так и не удосужились их отыскать. Кроме того, полосатый котёнок никак не давался в руки, и его невозможно было приманить даже запахом разогретой тушёнки.

В общем, мы договорились с Сергеем Николаевичем и его подчинёнными, что кошачью семью будут любить и жаловать, постоянно подкармливать животных чем-нибудь вкусненьким. Более того, сержант Мишель Бертё объявил, что отныне кошачье племя находится под его личной защитой, под защитой его экипажа, и горе тому, кто попробует обидеть милых пушистиков. А Бертё, как нам успел подтвердить Стрелков, действительно умеет держать своё слово.

Уже прощаясь с нами, новоиспечённый командующий анклава «Кошкин дом» сообщил, что маневренная группа Джека Мортенсона должна была этим утром покинуть придорожный ресторанчик Мамеда. Бельгиец поставил сержанту задачу пробиться сквозь заросли чужого леса в венгерский кластер, усилив оборону Тордаташа. Таким образом, в ближайшем будущем семье азербайджанцев предстояло рассчитывать исключительно на свои собственные силы либо перебираться на новое место жительства в Борисовку, в Данилово, в Замятино или ещё куда.

Практически безлюдный анклав Мамедовффа, как его называл ван Клейст, не представлял для наёмников какой-либо ценности, то есть не имел ни сельскохозяйственных земель, ни свободного жилого фонда. По мере продвижения сил конфедерации на запад тульские азербайджанцы оказывались как бы у нас в тылу и должны были позаботиться о себе сами. По этой причине я решил заехать к Мамеду с визитом, переговорить с ним, с его родственниками и попытаться склонить народ к переселению поближе к цивилизации.

Сказано – сделано. Чтобы не тратить время и топливо на объезд, мы изменили маршрут и, уже привычно попетляв по чужому лесу, достигли окрестностей Мамедовффа. Следуя

вдоль границы пересечения двух миров, примерно через полчаса наша небольшая колонна подъехала к рухнувшему виадук, где и была обнаружена часовым – Вахидом.

Родственник Мамеда засел в самом натуральном доте, который «солдаты удачи» соорудили из бетонных плит при въезде на мост, и мог держать под обстрелом и сам виадук, и подходы к нему с трёх направлений сразу. Вот, только из одного «калашников» с тремя полными магазинами к нему много не настреляешь, особенно в местах, где лучше всего бы подошёл крупнокалиберный пулемёт. Либо скорострельная автоматическая пушка, аналогичная той, что стояли у наёмников на их «рателях».

Как я и ожидал, нас сразу же узнали и встретили с такой искренней радостью, словно встречали дорогих гостей, редко заглядывавших с визитом. Мужчины сразу же засыпали нас кучей вопросов, жадно слушали мои рассказы, принялись восхищаться американской амфибией, когда я уточнил, что «амтрэк» – это наш трофей.

Женщины поначалу суеились вокруг, щебетали, словно воробьи, а затем, по одному слову Мамеда, скрылись на кухне и принялись там что-то по-быстрому готовить. Немного помявшись, глава семьи принялся заранее извиняться за небогатый выбор блюд в меню его заведения и за отсутствие традиционного шашлыка.

Слово за слово, и в течение следующего получаса азербайджанцы поведали, как им пришлось кормить многочисленных бойцов бельгийца, постепенно опустошая холодильники и кладовые. Надо сказать, «дикие гуси» из группы сержанта Мортенсона вели себя достаточно скромно и не нанесли запасам семьи большого урона, а вот побывавший в кластере интендант по фамилии Глейман буквально заставил Мамеда совершить обмен продуктов на пять единиц оружия.

Бравируя своей козырной должностью и связями при штабе конфедерации, словно заправский мент крутой «ксивой», наглый и толстый американский еврей выгреб у азербайджанцев половину имевшегося у них продовольствия. Взамен Глейман предложил трофейное оружие, видимо, из числа захваченного у исламистов, с двойным боекомплектом на каждый ствол. В результате этой коммерческой операции на вооружении семьи появился старенький, но надёжный РПК, плюс ещё четыре «калаша» и запас патронов, достаточный, чтобы отбиться от стаи в сотню динокур или даже от полудесятка леозавров.

Подаренный же нами «укорот» Мамед передал переселявшемуся в Борисовку Виктору Матвеевичу, чтобы тот мог при необходимости постоять и за себя, и за свою жену. Кстати, вместе с Третьяковыми в Борисовку перебрались и все остальные «гости», застрявшие в момент катаклизма в заведении азербайджанцев.

– Вот такие у нас дела, Владимир, и я не знаю, что нам делать дальше, – театрально всплеснув руками, Мамед завершил свой рассказ. – А ещё сегодня утром Мортенсон, взял и уехал со своими солдатами и броневиками, и даже не предупредил заранее! Нет, ну как так можно, а?

– Джек получил приказ и не мешкая принялся его выполнять, – я пожал плечами. – И ты не тани, собирай манатки и переезжай в Данилово, пока там можно найти хоть какое-то свободное жильё. Народ там постоянно прибывает, и прибывает так что ваши способности будут востребованы.

– Вай, Владимир, что ты такое говоришь? Как же мой ресторан? Бросить всё, заколотить окна и уехать, да? – азербайджанец схватился руками за голову и закачался из стороны в сторону, хорошо хоть без подвываний, как на похоронах.

– Окна, действительно, лучше заколотить. А насчёт «бросить всё» – вряд ли ван Клейст поставит крест на анклав, имеющем важное транзитное значение, – глянув на широкий фасад здания, задумчиво произнёс я. – Думаю, как только в строй вернутся наши раненые, Никитин наскребёт бойцов и сюда... Кстати, Мамед, а ты повар и кулинар по образованию, или жизнь вынудила?

– Я учился на технолога, специалиста по перегонке нефти, потом пришлось уехать в Россию, – махнул рукой хозяин ресторанчика: мол, кому здесь нужны его знания из прошлой жизни. – Влюбился, женился, развёлся, снова женился, занялся бизнесом, накопил денег на собственное заведение... А, шайтан, всё псам под хвост!

– А ты в курсе, что у берега стоит целый танкер с сырой нефтью, и у нас нет никого, кто бы сумел превратить её в солярку? – я решил умолчать, что к танкеру следует добавить приставку «супер», чтобы заранее не напугать азербайджанца масштабом работ. – Вот и подумай, Мамед, кем ты можешь стать в новом обществе.

– Да, слышал я про ваш танкер, слышал, – поспешил с ответом хозяин ресторанчика. – Говоришь, солярка нужна? Просто так, без оборудования, будет сложно.

В этот момент появились женщины с подносами и тарелками, источающими такой аромат, что можно было захлебнуться слюной. Мамед тотчас же вернулся в привычный для него образ радушного ресторатора, засыпав и гостей и приготовленные блюда массой хвалебных комплиментов. Впрочем, я быстро отметил, что азербайджанец задумчиво посматривает на своих домочадцев, словно заранее прикидывая, чем бы занять их на новом месте жительства.

Разговор вновь закрутился вокруг темы вкусных харчей и их приготовления, и здесь мы неожиданно узнали, что «солдаты удачи» экспериментировали с употреблением в пищу мяса здешних ящериц. Тех самых, больших зелёных двухметровых тварей, которыми кишели окрестности Данилово и соседних с посёлком кластеров.

– Представляете, наёмники предложили мне попробовать жаркое из ящерицы! И я попробовал! Мясо ящерицы по вкусу чем-то напоминает говядину, но более жёсткое, – вещал нам хозяин ресторанчика. – Я вот думаю, если правильно его приготовить, добавить разные специи, то из них может получиться неплохое блюдо... Наверное, нам надо будет попробовать подстрелить одну такую ящерку.

– Вы бы сначала поохотились на кого-нибудь поменьше, – с аппетитом вгрызаясь в поданную отбивную, заметил Александр. – А самое главное – позаботьтесь, чтобы вам самим не стать лёгкой добычей для кого-нибудь более страшного... Леозавров, например.

Затрапезная беседа плавно перешла к обсуждению вопросов охоты в чужом мире, а затем нам подали чай с печеньем. Во время чаепития Мамед с Вахидом не выдержали и отошли в сторонку, чтобы перетереть между собой животрепещущую тему переселения в более цивилизованные места. Мужчин сменили женщины, длительное время страдавшие от информационного голода, и засыпали нас кучей самых разнообразных вопросов, на большинство которых мы не могли дать ответа. Нам пришлось честно признаться, что мы не в курсе бартерных схем по муке и сахару, так как постоянно мотаемся по кластерам и, наверное, в скором времени сами начнём добывать местное мясо. Уж если «дикие гуси» готовы перейти на дары чужого леса, значит, и мы сможем питаться ящерицами и прочим здешним зверьём.

– Владимир, мы посоветовались и решили начинать подготовку к переезду. Но сначала мы с Вахидом съездим в Данилово, чтобы поговорить с тамошними главными людьми, – подойдя к столу, объявил хозяин придорожного ресторанчика. – Мы не хотим, чтобы разные тыловые крысы, сержанты и капралы, растащили здесь всё, что было нажито за многие годы, поэтому просим тебя: выведи напрямую на самого главного начальника, а дальше я сам договарюсь с ним.

– Хорошо, Мамед, я замолвлю за тебя словечко перед Никитиным, и даже готов присутствовать на вашей беседе, если понадобится, – судя по всему, жадный и вороватый Глейман произвёл на предприимчивых южан крайне неприятное впечатление, и те перестали доверять сразу всем бойцам бельгийца, без исключения. – Более того, по приезду в посёлок я забронирую вам какое-нибудь толковое жильё.

– Да, так и сделай, пожалуйста, – закивал азербайджанец. – Владимир, мы в долгу не останемся, всегда поможем тебе и твоим людям.

Мысленно усмехнувшись – знал бы Мамед, во что обошлась бы ему подобная помощь моего отдела в Питере – я поблагодарил хозяев за вкусный обед и попросил их завернуть нам что-нибудь на дорожку. В конце концов, никто никого за язык не тянул, а отблагодарить ментов лучше всего предоплатой, чтобы у нас не подвернулось повода забыть или затянуть с выполнением просьбы трудящихся. Шучу.

На самом деле Никитину и ван Клейсту позарез нужен был кто-то, способный получить из сырой нефти бензин и дизельное топливо, Мамеду с ходу дали «зелёный свет» в этом направлении и обеспечили ему максимальную материальную поддержку. В рамках скромных возможностей конфедерации, разумеется. Но это произошло чуть позднее, когда азербайджанцы, наконец, перебрались в Данилово.

Покинув анклав, мы неожиданно обнаружили, что «солдаты удачи» с помощью бульдозера выпрямили дорогу к бывшему полигону морской пехоты, разметив новый маршрут с помощью нарисованных белой краской кругов и ромбов. Нарисованных, точнее, грубо намалёванных на стволах огромных деревьев, так, чтобы их можно было увидеть с расстояния в пару десятков метров. Судя по пролитым за землю каплям белой краски, наёмники отмечали дорогу, не выходя из кабины машины или бульдозера. Грамотное решение, учитывая, что прогулки пешком по чужому лесу таили в себе шанс встречи со здешними плотоядными хищниками, не отказавшимися бы от возможности продегустировать человеческое мясо.

– Что это? Учения? – неожиданно встревожился капитан Барулин, когда мы уже подъезжали к границе двух миров. – Слышите?

– Ага, рвануло три раза, а сейчас вроде из пулемётов работают, – подтвердил с заднего сиденья Кутейкин. – Да, не меньше двух пулемётов, частят очень, торопятся.

– Евпатий-Коловратий, а ведь это где-то недалеко от нас, – притопив педаль газа, я тотчас почувствовал, что «мерс» ведёт себя крайне странно при резких поворотах руля из стороны в сторону. – Сань, вызови Вольфганга, пусть тот сначала попытается связаться с ангаром, а затем со штабом Жерара.

– Мы сами можем попробовать связаться с ангаром, – буркнул Александр, выдёргивая из разгрузки «моторолу». – «Крейсер», ответь «кракену»...

Тотчас отозвавшись, Нидеррайтер-старший мгновенно сообразил, что от него требуется, и принялся выполнять приказ. Уже спустя минуту после разговора с немцем Барулин вызывал гарнизон бывшего хранилища морской пехоты, превращённого «дикими гусями» в транзитную и ремонтную базу.

Между тем мы миновали линию пересечения ландшафтов, лихо проскочив укатанный гусеничной техникой подъём, и притормозили, пытаясь сориентироваться в обстановке. Неожиданно возникшая стрельба затихла, к юго-западу от нас над холмами в небо поднимался столб густого чёрного дыма. Внезапно зашипела рация, выплёвывая обрывки фраз, вроде бы на английском языке, но совершенно непривычные для нашего уха.

– (Цензура), ни хрена не понимаю, что он лопочет! – выматерился Александр, едва не стукнув «моторолой» по прикладу пулемёта. – (Цензура), это точно английский?!

– Может, диалект, типа австралийского, из глубинки, – прислушавшись к отдельным отчётливым словам, предположил Всеволод. – Я тоже не понимаю ни слова!

– Саня, забей! Скинь задачу на Вольфганга, а сам смотри в оба! Пристегнись! – сориентировавшись на местности, я утопил педаль газа, направляя джип к вершине ближайшего холма. – Пойдём напрямик! Молитесь, чтобы не напороться на какую-нибудь неразорвавшуюся хреновину!

– Пиндосы божились, что здесь нет неразорвавшихся боеприпасов! – проорал в ответ капитан. – (Цензура), Володя, осторожней!

– Держитесь! – крикнул я, буквально влетая на вершину холма. – Чёрт, снова стрельба!

Сквозь шум двигателя и свист ветра (напомню, что с некоторых пор мы катались без ветрового стекла) прекрасно слышались короткие и длинные пулёмтные очереди, перекрывающие друг друга. Стрельба разгоралась где-то недалеко, в километре или чуть более от нас, там, где к небу поднимался столб чёрного дыма. Затем раздался ещё один взрыв, за которым последовал второй, на мгновение заглушивший рокот крупнокалиберного пулемёта.

– Вовка, где-то там, впереди, должна быть «зэсэушка» наёмников! – выслушав сказанное Нидеррайтером-старшим, повернулся ко мне Барулин. – (Цензура), лишь бы не напороться на дружественный огонь!

– Постараемся! – проорал я в ответ. Миновав очередной пологий холм, я увидел ниже и впереди длинное облако пыли, поднятое какой-то непонятной «каракатицей» на гусеничном ходу. – Это она, да?!

– Да, она, «спарка» на корпусе «шестьдесят второго»! – подтвердил Александр, на пару секунд прильнув к биноклю. – Чёрт, наёмники палят по кому-то на соседнем холме!

Не мудрствуя лукаво, я направил джип вниз, прямо в облако пыли, поднятое на дороге между холмами. В момент пересечения нами полосы пыли самодельная ЗСУ неожиданно замолчала, прекратив поливать свинцом и сталью вершину дальнего холма. «Амтрэк» безнадёжно отстал, проиграв гонку изделию германского автопрома и лишив нас своей огневой поддержки, которая могла пригодиться в любой момент. В первый момент я было подумал, что неизвестный противник нейтрализовал «каракатицу», однако действительность оказалась совершенно иной.

– А-а-а! – завопил Александр почти прямо мне в ухо, едва «мерс» выскочил из облака пыли. – Тормози!

– Гони! – закричал сидевший за моей спиной Кутейкин, рывком распахивая левую заднюю дверь джипа. – Всем вон из машины!

– Отставить!!! – рывкнул я во всё горло, пытаясь оторвать взгляд от стволов развёрнутой в нашу сторону «спарки». Оба ствола установки, эти две маленькие чёрные точки были готовы в любой момент полыхнуть пламенем, засадив в наши тела пару-тройку килограммов взрывающегося металла. Своеобразная игра в гляделки с зенитным автоматом завершилась спустя секунд пять, не более, но эти пять секунд показались мне целой вечностью, даже волосы на затылке зашевелились. Пока я глаzel на «спарку», словно тушкан на кобру, внедорожник угодил носом в какую-то старую воронку на склоне противоположного холма, с натугой выбрался из неё, а затем сел днищем на кучку камней рядом с воронкой.

– Хай, рашэнс капс, – гнусаво пробубнила «моторола». Одновременно с вызовом по рации на броне танка показался какой-то тип и приветливо помахал нам рукой. Даже улыбнулся, гад, увидев нашу полную беспомощность и растерянность перед грозно смотревшейся «каракатицей».

Положение, а точнее, наш рухнувший намного ниже плинтуса авторитет, спасло появление отставшего было «амтрэка». Переваливаясь через старые воронки, амфибия быстро подкатила к нам, доставив тех, кто мог разобрать жуткий южноафриканский английский командира самоходной зенитки. Сразу же выяснилось, что экипаж «каракатицы» состоит из техников и ремонтников, которые сами создали и сами же водрузили на корпус Т-62 нечто, издавека похожее на квадратную башню. Причём окончательная доводка самоходной зенитки до ума ещё была не завершена, о чём свидетельствовало отсутствие дополнительных бронелистов с одного из бортов «спарки». Более того, ещё часик назад никто из ремонтников даже не помышлял о том, чтобы выгнать из ангара недоделанную самоходную зенитку, да ещё и с ходу вступить на ней в бой. Тем не менее техническому персоналу под командованием лейтенанта Тони Ривза пришлось взяться за оружие.

– Это горит «хамви» мастер-сержанта Глеймана, – пояснил нам Ривз, когда мы ещё подъезжали к расстрелянной технике. – Вторая машина, грузовик, тоже его... Был.

Беглого осмотра места трагедии оказалось достаточно, чтобы восстановить картину недавних событий. Выехав из ангара, небольшая колонна из двух авто угодила в засаду противника, причём совсем рядом с ремонтной базой, всего в паре километров от неё. Враг встретил Глеймана и его людей сосредоточенным огнём из гранатомётов и пулемётов, мигом расстреляв головной внедорожник, а затем изрешетив грузовик. Грузовик, кстати, оказался гражданским, «мерседесом» из венгерского кластера, и двое погибших в его кабине являлись, скажем так, добровольными помощниками интенданта. Один мадьяр и один поляк, с которыми мастер-сержант проворачивал какие-то хитроумные схемы с целью своего личного обогащения.

– Дональд был разносторонней натурой, очень талантливым махинатором, – ухмыльнувшись, заметил Ривз, глядя, как двое его бойцов тушат остатки «хамви». – Ха, парни, двигатель, похоже, не пострадал!

– Давай по делу, Тони, – поторопил лейтенанта Вольфганг. – Зачем он попёрся в Тордаташ без охраны?

– Думаю, за ещё одним комплектом кожаных кресел и ещё за одним диваном, – засмеялся ремонтник. – Он уже привёз сегодня утром целых три кресла и шикарный диван. Все из кожи, чёрного цвета, должно быть, отлично смотрятся в хорошей гостиной.

– Ясно, жадность фраера сгубила, – сплюнул капитан Барулин. – Володя, нам здесь ловить нечего, давай двигать домой.

– Погоди, Сань, не торопись, – ответил я, поднося к глазам бинокль. – Давай сначала осмотрим место засады, где сидели гранатомётчики, а потом с чистой совестью двинем домой.

– Я думаю, что в данном случае сработала мобильная засада, – старательно выговаривая каждое слово, произнёс бывший офицер «штази». – Поэтому нам надо пойти по следам нападавших.

– Наверное, ты прав, – ответил я, рассматривая в бинокль россыпь не особо крупных валунов метрах в ста двадцати от нас. Затем повернулся, окинул взглядом пространство между двух невысоких холмов, где произошло нападение на интенданта и его людей. – Водила Глеймана, вероятно, увидел впереди себя врагов, попробовал развернуться... Тут его и накрыли. Из пулемётов и гранатомётов.

– Угу, в корму «хамви» засадили штуки три выстрелов из «граника» – машину практически разорвало напополам, – согласился со мной Александр. – В грузовике изрешетили всю кабину, у убитых забрали их личное оружие, боекомплект, не поленились даже снять шлемы с трупов.

– А это говорит о том, что нападавшие остро нуждаются в вооружениях и амуниции, – заключил подошедший к нам Константин. – Владимир Иванович, мы с Гельмутом нашли следы от трёх машин и россыпь свежих стреляных гильз. Там, наверху, на гребне холма.

– Молодцы, поехали, покажешь то место, – решил я, оборачиваясь к Нидеррайтеру-старшему. – Вольфганг, скажи Ривзу, что мы намерены прокатиться по следам отхода противника. Попроси его, чтобы он присоединился к нам на своём зенитном танке. А то стрёмно как-то двумя машинами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.